

Анна Поршнева

Самый первый змей

сборник сказок

16+

Анна Поршнева

Самый первый Змей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63525522

SelfPub; 2020

Аннотация

Чудо-юдо непотребное? Грозный Змей Горыныч? Красный уэльский дракон? Или что-то совсем другое, совсем непохожее на старые предания? Этому удивительному существу посвящен цикл сказок, которые могут читать те, кто так и не повзрослел.

Анна Поршнева

Самый первый Змей

Самый первый Змей

Крестьяне обступили богатыря плотной толпой и почтительно, но громко галдели:

– Заступись, отец родной! Не выдай, золота душа! Никакого житья от него нет, от аспида!

Отец родной – смущённый парень лет двадцати с широченными плечищами, крепкими ногами и яблочно-румяными щеками, ещё безбородый, – шмыгал носом и для уверенности поминутно щупал то ножны, то рукоять меча. Его голубые глаза восхищённо блестели. Ещё бы, не каждый же день такое бывает.

– Вчерась трёх овец стащил. Девкам в озере ни искупаться, ни белья сполоснуть – озорует, охальник. Детишков в лес одних не отпускаем. Пашаницы запрошлый год два поля полегло, не иначе, дыхнул дымом, змей ядовитой.

– Земляники пять годов не едывали, – зашамкали старухи, но их тут же перебил уверенный голос старосты:

– Да погодьте вы со своей земляницей! Ну, добрый молодец, берёшься или как?

– Берусь, – вздохнул богатырь и шмыгнул носом. Это был его самый первый змей.

– Ну тогда иди себе: тут всё прямо, прямо, а потом налево, да кругом. В общем, одна дороженька-то, не заплутаешь. А мы тебя за то не выдадим, вознаграждение получишь, как положено, не обидим, не бось!

***

Богатырь стоял за калиновым кустом, тяжело дышал от восхищения и даже рот открыл – прямо перед ним на широкой поляне лежал змей горыныч о трёх головах. Весь золотисто-алый, с багряными крыльями, с тонкой серебристой

искрой по шее и на бёдрах, с длинным шипастым хвостом и круглым пузом, в которое не то что три овцы, а и тридцать три поместятся вольготно.

Змей выпускал из всех трёх голов длинные раздвоенные языки, словно лопатой сгребал ими земляничины и отправлял разом в три глотки, потом чуть сдвигался, приминая когтистыми страшными лапами листья и усы, и всё повторялось. Над поляной стоял сладкий жаркий дух, у добра молодца кружилась голова и самому хотелось сочной ароматной ягоды – ух как хотелось!

Змей, наконец, отвалился, перебрался к краю леса в тенёк, завалился на бок и сказал протяжным мягким голосом:

– Воевать пришёл али просто любопытствуешь?

– А вот сейчас тебе, змеище поганый, башку снесу, так узнаешь как людёв обижать! – вскричал богатырь, как полагается, грозно и для убедительности взмахнул булавой.

Змей аккуратно прикрыл головы берёзовой кроной, пригнув её одним из крыльев, и обиженно сказал:

– Что ж это я поганый? Я моюсь каждый вторник, а если б не девки здешние бесстыжие, что за мной из кустов подсматривают, и чаще мылся бы.

– А овец почто таскаешь?

– Да не таскаю я.

– Люди зазря не скажут.

– Да не нужны они мне. Я мяса в рот не беру: у него дух тяжёлый и жевать его долго. Да у меня и клыков нет, на, смотри! – И точно, зубы у змея были ровные крепкие и крупные, точь-в-точь как у коня.

Богатырь вспомнил круглое хитрое лицо местного пастуха и призадумался.

– А пшеницу зачем спортил?

– Так то ж они сами! Ленивы больно, вот и дождались дождей. Встали бы жать дня на три раньше, были б с хлебом.

У молодца оставался последний довод:

– А землянику зачем поел?

– Вкусная, – вздохнул змей и от смущения позеленел. – Люблю, страсть! Да сам попробуй, ведь не ягода – чистый мёд. А крупная какая! Здесь ещё не так, а вот глубже в лес есть сосновая рощица, так там в три раза супротив этой, ей-богу, не вру!

Богатырь вздохнул, набрал в ладонь ягод, запустил в рот и зарделся от удовольствия.

– Угу, – сказал с набитым ртом, – и што же мне ш тобой делащ? Ты ведь, как никак, змей горыныч. Мне с тобой бить-ся-рататься полагается.

– А сколь лет тебе?

– Двадцатый пошёл.

– Молодой совсем, вот и горячий. А мне вот триста тридцать первый. Мне драться уже совсем не хочется. Так что извиняй, не выйдет у нас поединка.

– Как так не выйдет? – возмутился богатырь.

– А так. Улечу куда подальше да и всё. Давно хотел, уж больно крестьяне тут жадные.

– Как же честь? Ведь ты ж тогда трус получаешься.

– Не, – подумав, сказал змей, – я не трус. Я просто ягоду очень люблю. А драться не люблю. И тебе не советую.

Полон

Затеял как-то Змей полон городить. Наворотил камней гору, чтоб было куда полон тот сгонять, глиной щели подмазал, чтоб не простудились полоняне, вокруг ёлок погуще повтыкал да крапивы нарастил, чтоб сбежать не пытались. Потом денёк- другой отдохнул и подался по окрестным деревням девок в полон собирать.

Слухи поползли по русской земле: мол завёлся лютый змей-ворог, и ничем от него, супостата, не откупишься, кроме самой красивой девки, и, как назло, никакого витязя не то, чтобы на коне, а и на печи не видать. Тут крестьяне оживились, стали девок в кучи сгонять, конкурсы красоты проводить. «Эта, – кричат, – самая-самая! Вон у ней и грудь колесом, и глаза на выкате, а сама такая белая да мягкая, идёт – точно лебедь плывёт». «Нет, – отзываются с другого края села, – наша дородней будет, да и коса у ней подлиньше». «А мы что, рыжие, – с выселок раздаётся, – наша девка и собой хороша, а уж какие пироги печёт – от одного духа

сытость наступает». Те мужики, у которых семейная жизнь не заладилась, жён своих расхваливают; «Суеверие, – говорят, – это всё, что змеям только девки нужны. Баба, она за- всегда и в обращении сподручнее, и в хозяйстве гожа». За- мечены были случаи, когда в число девок, как бы ненароком, местные грамотеи тёщ своих приписывали.

В общем, не жизнь настала у Змея, а малина. Знай себе налётывай на деревни да сгоняй полон в пещеру. Только никак не поймёт он, зачем этот полон нужен. Старые змеи да- лёко – спросить некого. А девки в полоне погрустили-погру- стили, поплакали-поплакали, да и принялись на змея пенять.

– Ты почто нас, змеюшка, от отца-матери отнял, и ка- кую-такую лютую долю нам готовишь? Уж нас ли не лелеяли, не холили. Уж мы ли на молоке не выросли, нас ли пирогами да мёдом не выкормили, а каков он, чёрный хлеб, и на погляд не знаем. – Врут всё больше, конечно. Как затеются друг пе- ред дружкой хвастать, сарафанами да шубками похваляться, такой шум поднимут, что у Змея средняя голова гудит, а две боковые инда раскалываются.

Может, так и погинул бы он бесславной смертью, если б не

сжалилась над ним баба-яга. Пришла как-то, села в стороне, девьи перебранки послушала да и говорит:

– А есть-то ты их не собираешься, что ли?

– Так на что они мне? Малины вдосталь, черники всякой, морошки опять же.

– Ну так отпусти.

– Не солидно. Обидно – зачем тогда огород городил?

– Ну, тогда ты так поступи. – и нашептала ему в три уха.

Наутро утихомирил кое-как змей полон свой и объявил:

– Так оно, значит, вот что. Проголодался я. Сходите-ка вы, девки, по лесу прогуляйтесь, свежим воздухом напоследок подышите, спелых ягод поешьте, для скусу, значит, а на

вечерней заре возвращайтесь: я пировать буду.

Свернул пару елей в сторону, крапиву лапой примял, и проход для девок соорудил. Те рванули, только босые пятки и мелькают в воздухе. Ни одна к вечерней заре не вернулась.

А Змей, полон свой по камешку разбирая, думал: «Какие всё-таки у нас девки в русской земле – и красивые, и смекалистые. Должно быть, от того, что мы, змеи, девок не едим почём зря, как драконы энти заморские. А то ещё в Египтах видал: возьмут какую, скрутят, да крокодилам и швыряют. Одно слово, дикари. Не понимают: коли она красавица, так у неё и детушки хороши будут».

Не знал Змей, что это естественный отбор называется. Не учён был, так, своими умами до всего доходил.

Змей на зимовье

Смолоду-то Змей романтиком был. Мечтал легкокрылой беспечной бабочкой над цветами порхать или быстрым го-

ворливым ручьём по камням бежать, или пышной рябиной по осени развеситься и дразнить пролетающих птиц яркими красными ягодами. Прослышал как-то про зиму и размечтался (вообще-то был он перелётным змеем и проводил зимы в пышных джунглях, поедая разнообразные на вид, но однообразно студенисто-сладкие тропические фрукты), как будет по снегу топать и следы оставлять, как снежную крепость слепит и сам её штурмом возьмёт, как вода станет твёрдой и гладкой, и по ней можно будет ходить, аки по суху, как снежинки будут падать, прекрасные, словно цветы, только маленькие совсем, и как они таять будут на шкуре, стекая блестящими капельками, как деревья покроются серебром, как с широких сосновых веток будут свисать сосульки, а он их языком лизать станет... В общем, размечтался.

И никуда по осени не улетел.

Красиво было. Были золотые листья и багряные листья, и охристо-коричные листья и лимонно-жёлтые. И все они трепетали, звеня, на ветках, кружились в воздухе, с шелестом стелились на землю и, шурша, умирали. Были грибы, разные, много, вкусные. Были новые неведомые ягоды, кислые, а лакомые – клюква и брусника. Их осторожно собирать надо было, летя низёхонько над опасными болотами и склёвывая на

лету. Были первые снежинки – пушистые и все разные, пахнущие водой и воздухом, щекочащиеся на языке и безвкусные, дивно красивые и все разноузорчатые. Были искрящиеся колючие ветки по утру в розовом восходном солнце, когда дух захватывало не то от восхищения, не то от мороза.

Холодно было. От вечной сырости разболелись колени на задних лапах и основания крыльев. Потом в носу ещё свербило, и несколько дней вместо огня плевался он какой-то зелёной мерзостью. У левой головы в ухо стреляло, а правая потеряла голос. Но он оклемался: наворотил себе снежную гору с пещерой, забрался внутрь, головы все под себя и отогрелся.

Голодно было. Ел хвою (ничего себе), рябиновые ягоды (годятся) и подснежную клюкву (сладкая). Пробовал ветки есть и кору, как зайцы делали, не понравилось. Шишки лущить не получилось. Но многолетние запасы не давали пропасть – спал лишь совсем немного с тела, да только лучше вышло: и летал быстрее, и бегал сноровистей. А в пещерке своей, на том месте, где спал, обнаружил свежую зелёную травку и стал следить за ней. Скоро травка поднялась, погустела и запахла нежно и пряно. Змей её лелеял, грел осторожно и любовался. Зайцы прибегали, хотели уворовать

– не дал; волк пробежал, облаял с насмешкой – не обратил внимания; медведь вылез, заспанный, лохматый, сел неподалеку, голову лапами обхватил и весь день качался, а к вечеру исчез – зачем приходил, не понятно было.

Два дня непонятно было, на третий вернулся, почему-то на задних лапах и почтительно привёл под руку сморщенную старушку. Старушка к Змею подошла, хоромину его клюкой потыкала, по спинным пластинам броневым ногтём пощёлкала, на зелёную травку острым глазом цыркнула и спросила медведя:

– Он, что ль?

– Они, – почтительно сказал медведь, – обижают. Спать не дают. Весь день над башкой бум-бум-бум. А ночью храпеть принимается.

Старушка потрясла головой, отступила шагов на десять, вперила правый глаз в переносицу левой головы, а левый аккуратно в промежуток между средней и правой.

– В моём лесу, – сказала грозно, – так озорничать не положено. Ежели ты трава, так расти летом, а зимой спи под снегом. Ежели ты змей, так живи по холоду в дальних странах, не шатайся без толку по лесу, не лишай малых птиц пропитания.

– Я же ненарочно. Я хотел посмотреть.

– Посмотрел? – спросила старушка мягким голосом и вдруг по разбойничьи свистнула. Тут неведомо откуда прямо с неба пали рядом с ней ведро огромное каменное и метла рая в два выше её росту. Старушка с тем же посвистом в ведро запрыгнула, метёлкой взмахнула, и раз – этой самой метёлкой сверху уже Змея по головам охаживает. Тот обиделся, стал огнём брызгать, да вёрткая старушка не даётся, только подсмеивается. Пришлось на крыло подниматься. Полтора дня без продыху гнала ведьма лесная Змея на юг, да всю дорогу ворчала на него и ругалась всячески, что нет у него никакого уважения ни к обычаям старинным, ни к пожилым женщинам. Потом отстала.

Когда Змей вернулся, в мае уже, он пробовал найти на

полянах место, где выросла среди зимы травка. Да не смог – позабыл запах её за долгую зиму.

Как Змей худел

Как-то раз увидал Змей высоко в небе дракона заморского, стройного, как сосна, прямолетящего, как стрела, стремительного, как стриж. Потом опустил головы вниз и увидел на земле свою тень: пузатую, бултыхающуюся из стороны в сторону, как объевшаяся утка, с тремя головами в разные стороны разлапившимися... И загрустил.

Загрустил, задумался и надумал похудеть. Пришёл к Бабе-Яге травку какую просить или зелья, чтоб есть не хотелось. Ну, Яга, конечно, как старушка учёная, стала Змею разъяснять, что раз он всю жизнь грибами да ягодами питается, то есть он травоядное существо, а такому существу брюхо самой природой положено. Но Змей на своём стоит, наседает, не даёт проходу: вынь да положь ему чудодейственное снадобье.

– Ладноть, – Яга говорит, – будет тебе питьё. – И тащит из

подвала бутылку с вонючей болотной гадостью. – А вот сейчас тебе рецептик напишу.

И написала, а там значится: по три капли величиной с куриное яйцо в каждую голову три раза в день. Принимать строго после однолетней ярки.

– А ярка, она что такое? – хлопает глазами Змей.

– Ярка она овца, которая не котилась ни разу. – Змей опять глазами хлопает. – Ну, у которой ещё ягнят не было.

Полетел Змей к стаду, ярку искать. Он-то по простоте душевной думал, что на овце сверху бирка прикреплена, а в бирке той прописаны и пол, и возраст, и отец с матерью. В общем, документ. Оказалось, однако, иначе. Два дня бился Змей, пока научился овцу от барана отличать. На пятый день кое-как нашёл одну, которая молоком не пахла. Ну, думает, видать она, ярка. Стал над ней кружить, пытаться её мелкими огненными плевками от стада отбить. Овца орала диким голосом, дрыгала ногами и только жалась ближе к своим.

Змей и так изворачивался, и эдак, пару раз сам себе хвост подпалил, разок шеями в узел завязался, еле выпутался, потом овцу и вовсе потерял, потом снова нашёл, потом с устатку спал двое суток без просыпу и снова ярку свою потерял. Потом смотрит в ручей: морды вытянулись, живот подобрался, крылья окрепли, а в глазах блеск голодный появился. И тут только понял Змей, что уж две недели не ел, только воду, разгорячённый после охоты, глотал жадно. Вот и похудел. А ярку он так и не добыл себе, да и зелье посеял где-то во всей этой суматохе.

Змей и сарацин

Однажды, когда Змей зимовал в далёкой стране Марокко, к нему пришёл рыцарь-сарацин и вызвал его на поединок. Змей в это время как раз спелое финиковое дерево от плодов очищал и косточками поплёвывал. В общем, занят был делом приятным и не обременительным, а посему вежливо поинтересовался, отчего это сарацин не воюет с христианнейшими испанскими монархами за Гранаду, а шляется по магрибским землям и мирных драконов задирает.

– Ты, – вскричал грозно рыцарь, потрясая дамасским клинком, – исчадьё ада, порождение Сатаны и одним своим видом поганишь стройный образ мира и нарушаешь божественную гармонию.

– Ничего я не нарушаю, – обиделся Змей, главным образом на слово "стройный", потому что усмотрел в нём намёк на своё немаленькое брюхо. – И совсем я не порождение Сатаны. И если б ты хоть немного задумался, то понял бы, что такому недалёкому существу, как Сатана, ни за что не придумать дракона, создание изящное, трепетное и противоречивое.

– Уж не думаешь ли ты, что Сатана глуп? – вскричал поражённый сарацин.

– А то нет, – перебираясь к соседнему финиковому дереву, продолжал Змей. – Посуди сам: ведь вы, люди, считаете, что он обиделся на бога за то, что тот больше любил людей, чем ангелов.

– Это всем известно.

– Можно подумать, что теперь бог его любит больше.

Сарацин задумался, а потом, выхватив кривой кинжал, воскликнул:

– Я вырежу твоё лживое сердце! – и бросился на Змея.

Одним движением лапы Змей поверг рыцаря на землю, аккуратно схватил его поперёк туловища и поднялся над землёй. Он понёс его к покрытым снегом горам, что виднелись на севере, а земля под ними, покрытая зелёными пятнами оазисов и белыми городами, жёлтыми песками и голубыми водами, была удивительно прекрасной. Сарацин был неробкого десятка и всматриваясь в окружающий мир вдруг понял, что он круглый. Открытие это так потрясло его, что он тут же поделился им со Змеем.

– Я вижу это каждый день, – сказал Змей. Воздух создавал лёгкие вихри вокруг его мощных крыльев, и он улетал всё дальше и дальше на север. Так летели они, и странные

мысли рождались в голове человека. И виделись ему пещёры, полные сокровищ, охраняемые свирепыми дэвами прекрасные девственницы, гнёзда гигинтских птиц рок высоко в горах и волшебные ларцы, в которых можно было спрятать пол мира, и шапки-невидимки представлялись ему и сапоги-скороходы, и хитроумные служанки, и сосуды с заточёнными в них джиннами...

Где-то вблизи небольшого селения оставил Змей сарацина, и тот пошёл своей дорогой. И было ему до смерти жаль, что он потерял коня, который достанется теперь какому-нибудь кочевнику или караванщику, а про то, что земля круглая, он уже и не вспоминал.

Семечки

В молодые годы Змей озоровать любил. Иногда чудесным образом. Грянется об землю всем телом, оборотится добрым молодцем и айда в деревню девкам мозги пудрить. Или ещё любил перекинуться каким-нибудь Васильем иль Ивашкой деревенским и на завалинке с парнями семечки пощёлкать, о жизни поговорить. Сидит так солидно и рассуждает важно о том, что овсы уродились хороши, а рожь – не очень, что

пора уже под озимые пахать, что лошадь пошла не та, что по всем приметам зима будет снежная и долгая, что хомуты бы надо поправить... Сидит, семечки щёлкает, незаметно дым ноздрями пускает и радуется.

Один раз опростоволосился, правда. Засел о бок с Машуткой Анчунтиной в виде Степана белобрысого, нежные речи с ней ведёт, за руку гладит, сушёной малиной угощает. А тут настоящий Степан идёт и грозно так спрашивает (не признал себя-то – зеркал в те поры в деревнях не водилось, да и на что глядеться в зеркала крестьянину-то):

– С кем это ты, Марья, разговоры душевные разговариваешь?

Глянула девка: тут Степан и там Степан. Как заорёт, как завизжит, как кинется в огороды, только пятки босые засверкали. Долго её потом святой водой отпаивали. Ну а Змею со Степаном пришлось даже подраться маленько. Так, до первой крови. И кровь-то у Змея пошла – по носу смазал ему парень. И так оно обидно стало Змею, что он, такой большой да сильный, из-за девки драться должен и по носу получать, так закручинился он, что даже семечки не доел. А

семечки-то он любил.

Влюблённый Змей

Однажды Змей влюбился. Ну, влюбился и влюбился, чего уж там. Цветочки, конечно, нюхал. Птичек, конечно, слушал. Шатался, как водится вокруг дома (то есть пещеры) своей возлюбленной и стихи сочинял.

Твои – писал- зелёные глаза

Давно свели меня с ума.

Изящный хвост, стальная пасть...

Позволь к твоим коленям пасть!

Но три прелестных головы

Не смотрят на меня, увы.

И вправду, не везло Змею в любви. Вероятно, потому что

вегетарианец был. А среди драконих установилось твёрдое мнение, что без мяса дракон – не дракон. "Нет в нём той силы, понимаешь?... " – шептали они друг дружке на ушко и меряли Змея снисходительными взглядами.

А сила-то была! Змей с расстройства даже заболел. Лежал у обрыва, распластав крылья, и дымил двумя головами, а третьей плевался в пропасть огненными плевками. Подлетела к нему дракониха и говорит:

– Слушай, ты ведь совсем ничего себе ящер, в теле, при зубах и когтях. Оснащён, как надо. Что ж ты мяса не ешь? Если б ел, я б может и улыбнулась тебе ласково.

– Я, – отвечает Змей, – ягоду люблю. Особенно землянику. А мясо не люблю.

– Так правду, что ли, говорят, что путь к сердцу дракона лежит через желудок? Неужто из любви даже не можешь месяц-другой мяса поесть? – заинтересовалась дракониха.

– Любовь – это дела сердечные. А пищеварение тоже надо в порядке содержать, – серьёзно так Змей отвечает, сам чуть не плачет, а на попятный не идёт – принципиальный.

На счастье, дракониха ему попалась любопытная.

– Ну, давай, что ли, свои ягоды, попробую.

Змей прям подпрыгнул от неожиданности, в воздух взвился, кружится вокруг дамы сердца, всем телом дорогу показывает. Приземлились на земляничной поляне. Змей к земле припал, языками ягоду собирает, а сам не глотает – возлюбленную деликатно с кончика языка угощает.

Той вкус, конечно, непривычен, да и запах тоже, но понравилось. "Эх, – думает себе, – попробовать что ли другой жизни. А то всё одно и то же, всю жизнь". В общем, в ту же ночь спал Змей, переплетаясь шеями да хвостами с драконихой. Только счастлив он был недолго: недели через две оголодала прекрасная дама и бросила своего возлюбленного ради жирной овечки.

Как Змей яйца высиживал

Змей, конечно, холостяковал. Он, конечно, жил вольно и красиво. Но как-то раз у его порога появилась молодая сердитая дракониха с парой яиц подмышкой.

– Прошлым летом песни мне пел?

– Пел, – потупился Змей.

– На край света унести обещал?

– Обещал, – вздохнул Змей.

– Ночами гулял, земляничкой угощал, в пещеру дальнюю на камушки зелёные посмотреть водил?

– Угу, – застеснялся Змей.

– Ну, вот, получай свои камушки. – Протянула яйца, хвостом вильнула и была такова.

Вот не было у Змея печали! Смутно помнил Змей, как выключнулся он сам, маленький ещё, мягкий и покрытый первым чешуйчатым пухом, как увидел солнышко и довольную пасть мамы, и её щекотный плотный язык, которым она чувствительно гладила его спинку... Папу своего Змей представлял плохо. Смутно виделась ему чья-то хмурая зубастая морда и недовольное дымное ворчание из под извивающихся красных усов. А потом папа куда-то исчез. По уверениям мамы улетел на свою родину, навестить многочисленных родственников и лет через двать точно вернётся. Но Змей так отца и не дождался.

В общем, вспомнил Змей своё детство безотцовое и решил малюток сам вырастить. Нагрёб в кучу сухой травы, веток всяких, соорудил гнездо, яйца в нём утвердил, сам рядом лёг, крылом накрыл и лежит – тёплым боком греет. Три недели высиживал яйца Змей. Утром подскочит, по лесу пролетится, на поле заскочит, наскоро незрелым овсом с малиной или черникой подкрепится и в пещеру – детушек покоить. Вечером на часок слетает в бор грибов перехватить и снова всю ночь над яйцами колыбельные мурлычет. Воробьи залетали, покружились вокруг, у головы крыльями повертели и смылись. Баба Яга заходила, головой покачала, на ухо шепнула вьедливо: "А уверен ли ты, мил дружок, что твоё это? Эх, простота..." и ушла, припадая на костяную ногу. А

Змей остался и продолжал высиживать. Устал, издёргался, стал нервный и беспокойный. Но вот однажды на заре зашебуршалось что-то в одном из яиц, зацарапалось и вылезла мордочка узенькая, нежненькая, носиком потянула и пропищала:

– Хоцу есть!

Змей ей и молочка, и творожка, и даже рыбки, у крестьян наворованных предлагал, а мордочка всё:

– Неа! – пищит.

Наконец приволок ей змей морошки – болотной ягоды. Выполз змеёныш из скорлупки, всё пожрал и сказал:

– Вкусно-о-о-о.

– Моё! Родное! – Змей ажно прослезился. Мальчик, кстати, оказался. А второго ещё десять дней ждать пришлось.

Как Змей отцовствовать начал

Позвольте осведомиться, любезные читатели, чтоб вы стали делать, окажись у вас внезапно на руках пара прожорливых горластых младенцев мужского полу, да ещё и с врождённой способностью летать и изрыгать огонь? Не знаете? Вот и Змей мой не знал. Правда, на счастье его, стояла та летняя щедрая пора, когда и тебе черника, и малина, и морошка, и орехи, а потом в огородах крестьянских капуста с репой сытные да морковка сладкая – воруй, не хочу. И вскоре у Змея такие сытые колобки по пещере катались, за хвост его дёргали, по шеям карабкались, задавали неудобные вопросы и норовили удрать куда-нибудь в лес, где вкусно пахнет болотом и ягодой, что стал он жить их нуждами, радоваться их радостями и печалиться их печальями. И стал замечать, что сынки у него совсем разные.

Первый, старшенький, всё больше съестным интересуется. Где что растёт, когда что вызревает, откуда что берётся. Всё норовит какой новый корешок выкопать или дудку болотную обглодать, и уж рвётся в огороды и поля наведаться. Младший в небо глазеет и мечтает. И тоже вопросы задаёт.

Вот целый день и звенит в ушах на два голоса :

– Зачем у жука шесть лапок, а крыльев – четыре?

– Почему червяк со всех сторон одинаковый, а гусеница – нет?

– Крапива злая да, раз она жжётся? А почему тогда молодая не жжётся?

– Почему одуванчики горькие? Почему клевер сладкий?

– А почему огонь лапу обжигает, а пасть – нет?

– Шишки только с одной стороны открываются, да, папа?

– Зачем на лапах столько когтей, они ж не удобные и ходить мешают? Зато они цеплuchие и

можно на самое высокое дерево забраться!

– А почему, когда летишь, чтобы повернуть, надо набок наклоняться?

– А если в воздухе перестать крыльями махать, что, так на землю и шлёпнешься? А я пробовал, только они не перестают, всё равно хлопают...

– А зачем ? А почему? А откуда? А как?

Вот и назвал их Змей Обжоркой и Мыслителем. А до тех пор всё старшим и младшим называл, как-то несерьёзно выходило, не по-драконьему.

Как думать удобней

Задумался как-то Мыслитель, как ему думать удобней. Лёг на пузико, лапками передними голову подпёр – не думается. Сел, хвостом обвился – не думается. На бок привалил-

ся, к склону холма прислонился – не думается. Лёг на спину, крылья растопорщив – и вовсе не хочется думать, а хочется дрыгоножствовать и губошлёпствовать. Поднялся под облака, в небо взгляд мечтательный устремил, "ну, – думает, – сейчас начну мыслить. Отчего, – думает, – драконы не летают так, как птицы?" А тут мимо как раз галка какая-то пролетала. "Странно, – продолжает думать Мыслитель, – а вроде и как я летает. Лапки поджала, шею вытянула и крыльями машет-старается". В общем, не выходят умные мысли. Опустился он, грустный, на землю и пошёл к малиннику.

А там Обжорка сидит, обеими лапами кусты к себе наклонил и длинным языком ягоду ловко оббирает. И что-то себе думает интересное.

Медведь страшной

Анютка да Машутка Пряслины по малину в лес пошли. Дело нехитрое, округа тихая, так их родители и не вдвоём отпускали – вместе с другими девчонками деревенскими, – оно и не страшно. Только девки-то – непоседы, за разговором, да за смешком, да за шалостью они вместе с Ольгой Егорьевой в лесу в сторону и ушли. А от Ольги какой прок? Малой ещё и семи годов не стукнуло, сама дитё неразумное. Известное

дело, заблудились. Идут по лесу, корзинки волокут, хнычут. Анютка, что по-старше аукать принялась, и вроде как отвечает её кто-то из кустов-то; только странно как-то отвечает: то ли хрюканьем, то ли ворчаньем.

Ну, думают, может какая корова от стада отбилась, так тогда она нас по запаху к пастуху выведет, и идут за хрюканьем. Глаза высохли, споро ножками перебирают, так и вышли на полянку. Да и полянка вроде как знакомая. Вроде как совсем близко уж деревня быть должна. Только тут этот, который хрюкал, что-то в чаще заворотился неловко да и высунулся. Как девчонки заорут, как рванут в какую незнамо сторону! Корзинки, однако, не побросали – волокут на себе дале. Добежали до дому, очухались, сидят, бабке Александре рассказывают:

– Там в кустах медведь страшной. А когти-то! А пасть-то! А хвостище!

– Эт вас, девки, лешой водил, – рассудила бабка Александра.– Потому никак не мог это медведь быть: у медведей хвосты куцые.

А в это время на дальнем пригорке Обжорка отцу рассказывал:

– И вовсе эти люди нестрашные и незлые. Они маленькие и глупые.

Вспомнил тут Змей все ямы с дреколем, куда он падал и чуть не падал, все сетки, из которых он выпутывался, все доски шипастые, которые на него с сосен валились и ответил:

– Конечно, сынок, люди незлые. Но они – люди.

Змей и чудища человеческие

Стали люди Змея теснить. Уже и на полянке ему в летний полдень не поваляться вволю, и леса его заповедные, древние редеть стали и сжиматься, и шуму-гомону от людей стало больше, а серьёзной напевной речи меньше. Раньше-то Змей частенько вечером к деревне подбирался поближе, ушами своими правыми, острыми да верными, к земле

прижимался и слушал, о чём старики на завалинках речь ведут, о чем девки в горницах судачат да о чём парни частушки с перебором и словом лихим припевают. Теперь же опоясались сёла да деревни широкими дорогами, по рекам стали плавать лодки невиданные, громадные – трудно стало Змею прятаться. Да и то сказать – вырос он за те осемьсот с лишним лет, что на свете прожил, заматерел, правда, от времени будто мхом порос, и не блестит его чешуя больше зелёным перламутром, не отликает красным золотом, а словно серенькое сукно мягкое стала, и даже будто мягче – но только на ощупь, а на деле плотная и крепкая, крепче стали.

Но тут такое случилось, что Змей всю осторожность свою вековую потерял. Люди завели чудищ. Чудища длинные, быстрые – летят над землёй вдали и тысячью глаз горящих на мир смотрят. Чудища поют: когда весёлые – нагло присвистывают, будто дразнятся, когда печальные – стонут жалобно, когда сердитые – режут на сотню голосов, инда земля дрожит. Поначалу от блеска глаз да пуще от крика Змей побаивался чудищ. А потом приметил: ходят чудища всегда одними и теми же дорогами, видно люди их так приучили, и бояться перестал. А потом разлюбопытствовался и решил на них поближе посмотреть. Раз решил, значит сделал: разведал, где у чудищ логово и когда там люди бывают, подождал, пока июньский туман плотный поднимется, и подкрался к

одному из этих, желтоглазых, который почему-то в стороне от других ночевал.

Подкрался и спрашивает:

– Ты кто будешь, чудище незнаемо?

А то молчит, хотя видно, что не спит – глаза все открытые, только и не светятся больше.

– Из каких земель явилось? Навсегда жить иль так пого-
стить малость?

Молчит.

– Да что ж ты за невежа такой! – осерчал Змей и пнул чудище. Пнул легонько, да в нём что-то хрустнуло, шваркнуло, и чудище назад подалось. Странно как-то подалось, слишком ровно, будто ползком. Только ползком никто так ровно назад не ползает. Пригнул Змей головы к земле, взглянул чудищу под ноги – а там колёса железные. Да и само чудище –

дерево крашеное да стёкла.

– Ах, так ты неживое! – огорчился Змей, зачем сразу не догадался, что люди снова себе игрушек понаделали, вместо чтоб живое разглядеть – приручить. Очень разочаровался Змей в людях, так и побрёл, разочарованный, домой.

Что на свете всего милее

Как детушки выросли да Змея покинули, затосковал он. Годов двести тосковал. Сядет, бывало, на пригорок, свесив головы ниже плеч, жуёт ягоду какую-нибудь, а горячие слёзы так и катятся на сыру землю. Или летит в поднебесье, вроде и славно, легко летит, да тоска-печаль гнетёт его к земле. Особенно тошно Змею в заморских странах приходилось. Как зачнётся там сезон дождей, повиснет Змей на лапах высоко в старом заброшенном городе на башне, закутается в крылья, качается и присвистывает жалостно да изредко струйку дыма в виде печального знака вопроса ноздрями выпускает.

Но потом обвык. А потом и взвеселился. Забаву себе новую придумал. Люди-то за недолгое время от змеев совсем

отвыкли, стали на них как на чудища невиданные смотреть. Вот Змей и приноровился: поймаёт какого одинокого прохожего и давай с ним в загадки играть. А последнюю обязательно загадает: "Что на свете всего милее?" Тот, конечно, "Жизнь, жизнь!" шепчет, бледнея. Змей посмеётся над ним да и отпустит.

И вот, недавно совсем, да прошлым летом, если правду сказать, на опушке леса повстречал Змей диковинного человека. Тот треногу в кустах у полянки развернул, да на неё пищаль какую-то с толстенным коротким дулом приноравливать стал. "На медведя, что ли, собрался?" – подумал Змей, – "Да где ж ему тут взяться, медведю-то. Уж лет сто как ни единого не было."

А человек, как Змей ему лапой дорогу перегородил и ногтём легонько за плечо потрогал, не испугался. И не упал в обморок. И кричать-креститься тоже не зачал. А стал он по карманам хлопать и приговаривать "Где ж она? Да куда же я? Дома что ль забыл? Эх!". Потом уставился на Змея и спрашивает:

-Что ж ты за животное? Дракон, что ли?

– Змей я, – отвечает Змей, а сам, восхищения ради, крылья развернул, алой грудью выкатился, изумрудным хвостом бьёт, всю свою красоту на показ выставил.

– А откуда ты взялся? Вроде я вчера и выпил немного...

– Я тут всегда был. Это вы, люди, тут наездами бываете. А мы, змеи, от людей прячемся. Тайные мы животные. Вот ты мне лучше ответь, что это за штуковина.

– Это брат камера, Никон – а дальше залапотал что-то не по-нашему, – штатив к ней, вон сумка моя со всякой всячиной, а маленькую свою я в сумке, в идать оставил.

– Зверьё, что ль, стрелять надумал?

– Нет, это, брат, оборудование, чтобы фото делать. Ну типа картинок, только лучше, жизненное.

– Понятно, – говорит Змей, а сам ничего не понимает. – Я тут, понимаешь, всем один и тот же вопрос задаю. Очень меня, понимаешь, интересует, что на свете всего милее. Ты как думаешь?

– А чёрт его знает. Я бы сейчас, кажется, полжизни за мыльницу отдал, чтоб твой снимок сделать. Может, отойдёшь, попозируешь?

– Это как?

– Ну встань неподвижно там где-нибудь, у того дерева.

Змей, куда указано было, отошёл, приосанился, головы приподнял и с полчаса позы разные принимал, уж больно человек вежливый попался да уважительный. Только потом на съёмках одни какие-то разводы оказались. Земляничного цвета.

Как Змей помирал

Как-то раз Змей надумал помирать. Взбрело ему в головы, что стар он стал, и что земля русская отказывается его носить. Решил в последний раз на ясный день посмотреть, втащился кое-как на пригорок и озирается с осторожностью. А вокруг раннее лето. Птицы щебечут, над гнёздами хлопочут, черёмуха доцветает, слива и яблони в цвет пустились, в траве куропатки и мыши-полёвки шмыгают, шмели жужжат, на солнечных местах белые многообещающие цветы земляничные из-под кудрявых листьев выглядывают, солнышко припекает... Зажмурил было Змей глаза от удовольствия, хотел было повалиться на бок и хвостом в воздухе бить, а нельзя – помирать надо. Закручинился снова, понурил головы и начал жалостным голосом:

– Ты прости-прощай, русская земля! Прощайте, ромашки – колокольчики! Прощай, клевер луговой! Прощайте, солнышко золотое да небушко голубое! Прощай, воробушек, и крот, прощай! Прощай, земляника-ягода. Не едать мне больше тебя, сладкую. Пропадёшь ты в этой глухомани одна-одинёшенька, разве что какой заезжий богатырь пару горстей в рот мимоходом отправит и скажет: "Крупна в этих местах ягода". Прощай, речка быстрая. Не мочить мне больше в тебе лап, не гулять по твоим прохладным берегам. Прощай, лес

густой. Прощай, луг широкий. Прощайте поляны солнечные и буреломы тенистые. Не летать мне больше над вами, горемычному.

А под носом у него белая бабочка вертится, дуновением лёгким ноздри щекотит.

– Отстань!, – говорит Змей, – не видишь: помираю.

А та не отстаёт, в глазах мелькает, инда двоиться всё стало в головах у Змея. Махнул лапой – не отстаёт. Хвостом по земле ударил – вьётся вокруг, как ни в чём не бывало. Дыму из ноздрей пустил – не улетает. Ладно, думает, сам улечу. Поднялся, лапами запотапывал, крылья расправил, летит. Только краем глаза видит – бабочка уселась на носу, крылышки сложила и словно заснула. Он головой помотал – сидит. Кувырок в воздухе сделал – не шелохнется. Уж он и петлями ходил, и в штопор свивался, и поднимался под облаки, и падал стрелой на землю, а она всё там. Притомился, опустился на землю, хвостом обвился и задремал. И чудится ему, будто он сам не змей могутный, а маленькая лёгкоккрылая бабочка, которую вроде бы и ветром носит, и любой прихлопнуть может, а вот приведись ей заупрямиться –

и ничего с ней не поделаешь. И чудится ему, будто он огромный-огромный, будто тело его – сизое облако, головы – цветущие радуги, лапы – потоки речные, а крылья – кроны деревьев, и всё это поёт, движется, радуется.

Проснулся Змей, встряхнулся и пошёл козлёнком по лугу скакать, представлять себя кузнечиком. Шуму, конечно, поднял! Так в тот раз и не помер. Да и вообще не помер.

Как Змей зелёным оболочком летал

Как-то Змей залез по осени на крестьянские огороды и объелся капусты. Раздуло его горой, подняло над землёй и поволокло северным ветром в сторону южную – лапки по бокам болтаются, спереди головы, точно пупырышки торчат, сзади хвост кой-как рулит, крылья сверху ненужные распластались по надутой барабаном шкуре. Летит Змей, погромыживает время от времени, аки туча грозовая. Люди внизу прислушиваются, принохивается, пальцем тыкать начинают и кричат: "Глядика-сь, какой оболочк зелёный по небу катится".

Вот он над Орлом пролетал. Пока летел, ещё яблочков прихватил с огородов. Крестьяне вилы похватали, заборы на дреколье разобрали, бросились за Змеем с криками "Лови чуду-юду!", да куда им, он уж к Украине подлетает. Над Украиной ночь стоит тёмно-синяя, бархатная, степные травы сладко пахнут, пролётные журавли призывно курлыкают, тихая печаль объемлет сердце и ещё легче делается Змей от той печали, ещё быстрее мчится к югу.

Вот уже и море под ним – Чёрное, бурное, неласковое. Помотало его над волнами, помочило лапы водой солёной, горькой, пару раз молоньей шибануло с неба. Сдулся малость Змей, встряхнулся, крылья расправил – и в Африку, зимовать.

Капусту, однако, после того случая есть вволю опасался.

Снежный змей

Второй-то раз Змей зимовать остался не по своей воле. Детки его – Обжорка и Мыслитель – ещё малы были, не могли на крыло встать да в щедрые южные земли лететь.

С осени стал Змей готовиться. Пещеру нашёл подходящую, в болотах мест напримечал, где подснежная клюква с брусникой расти будут, а пуще всего – сам наелся и детей от пуза наесться научил. Надо вам сказать, что при случае змеи могут и полгода ничего не есть, да ещё при этом довольно хорошо себя ощущать. А кроме того, могут они и в спячку впадать, правда, не надолго – недели на три всего, уж больно любопытны.

Обжорка, конечно, не очень обрадовался, что поститься придётся, и потому всю осень старательно грёб во все свои три пасти грибы, орехи, корешки разные, яблоки дикие и прочее, что попадалось. Мыслитель отнёсся к делу философски и просто решил поменьше двигаться. Да и вообще в конце ноября завалились они все втроём спать. Проснулся первым Обжорка и увидел, что вход в пещеру весь прикрыт каким-то мерцающим молочным занавесом. Потрогаешь – хрупко и колко, под рукой холодит, а на языке пресно. Продышал себе Обжорка дырку, смотрит – а вся земля, и все деревья покрыты белым искристым пухом. Не выдержал он

восхищения, пошёл и Мыслителя растолкал.

– Если серьёзно подумать, – говорит Мыслитель, – то это есть снег, диковинная субстанция, из воды зимой получающаяся. Люди по ней на санках катаются и снежных баб из неё лепят.

Обжорка взял в лапки снега, сколько загреблось и сжал. Получился комок. Обжорка комок наземь кинул и покатил. Комок расти начал. Обжорка пыхтел, обливался потом и старался и скатал ком размером чуть не с себя. Мыслитель три комка поменьше сверху приладил. Шишки вместо глаз и носов, длинная еловая ветка на хвост пошла... Вот и готов снежный змей! Потом, в январе уже, они со скуки такого огромного слепили, что он только в июне и потаял.

Кстати, ещё Мыслитель выяснил, что хвою тоже есть можно. Что она, хоть и смолистая, да очень питательная. А Обжорка опытным путём понял, что снег есть не надо – невкусный он, и горло потом болит.

Удачный день

В этот день Змею везло. Сперва он нашёл малинник, деревенскими бабами не топтанный, медведями не ломанный, и с удовольствием объел его. Потом с сытости и довольства утратив бдительность, залёг на поляне под августовским солнышком пузо греть. А тут через всё небо чёрный сполох чиркнул – баба-Яга. Мало их, баб-Ёг-то, осталось. Хоть и лень было Змею, а поднялся, встряхнулся и побежал туда, где карга старая приземлилась.

И Яга оказалась не злая. Вполне себе дружелюбная Яга оказалась. Крыло, по весне бродячим охотником подстреленное, осмотрела, мазь какую-то болотную, остро пахнущую, намазала, да корешков жевать дала. А потом пригласила к себе – у избушки посидеть, ромашкового чаю выпить с мёдом да разговорами душевными.

Вспомнили старину. Вспомнили времена, когда змеев было пруд пруди и на каждой опушке курьи ножки топтались. Вспомнили царские облавы, когда немало ихнего брата полегло. Змей тогда от греха в далёкую страну перебрался, в диких горах посреди персиков и хурмы отлёживался. Недоб-

рым словом помянули времена новые. Особенно бабе-Яге железная дорога почему-то не приглянулась. "Ишь ты, – говорила она, цыкая единственным зубом на блюдечко с горячим чаем, – фукзалы завели какие-то". И недобро взглядывала в сторону ближайшего города.

Распрощался Змей с бабкой уж затемно. Поднялся на крыло, полетел к реке. А вода в ней – даром, что август – ещё тёплая, нежная, мягкая. Сунулся было Змей искупаться, а там люди. Эх! Запрятался в кусты, слушает. А они всё о природе говорят и – Ах! Марья Гавриловна, Вы посмотрите, какая луна! Ведь точно золотой щит на бархатном небе сияет. Разве можно в такой чудный вечер сдержать порывы души, которые точно неминуемая буря наступают... И всё в таком роде. Плюнул Змей со всех трёх голов и подался в сторону, нарочно громко кусты ломая.

Оглянулся только раз – смотрит, а барынька уж в обмороке на руках у кавалера висит и томно вздыхает. Ну ещё с полчаса на юг вдоль реки пролетел, нашёл место чистое, спокойное, тихое, и с разлёту в воду бултых! Хорошо...

И всю ночь потом летал лёгкий, довольный. А под утро

укрылся в пещере и спал вдосталь. Тяжёлые настали для змеев времена в мире. Каждый спокойный день надо за удачу почитать.

Змей и война

Лежал как-то ранним утром Змей на пригорке и на зреющую землянику любовался. Лёгкий туман наплывал от речки, слабо шелестела наливающаяся пшеница, ветер играл в камышах, птицы все спали и только какой-то припозднившийся соловей заливался в малиннике.

Хорошо было Змею, радостно, лёг он на спину, воззрился всеми тремя головами в небо и стал на облака любоваться. И вдруг в небе над ним появились заморские драконы. Были они длинные, злобные, быстрые и летели прямо, не сворачивали. Летели прямо к прекрасным городам, где жили добрые люди, и несли с собой смерть. Понял это Змей, поднялся в воздух и хотел драконам бой дать.

А драконы-то неживые – железные, плюются огненными

плевыми, больно царапают его крепкую шкуру. Но Змей не отстаёт, кружит вокруг, смотрит вдаль взглядом своим особенным, змеиным и видит – рвутся бомбы, рушатся дома, гибнут люди. Много людей гибнет, долго идёт война, никогда такого горя не видел Змей прежде.

Сокрушилось сердце Змеево от печали великой, пал он на землю и расплакался. А где слёзы его упали на землю, там выросли цветы незабудки. Только недолго они росли – затоптали их сапогами там, где прежде только босыми ногами и хаживали.

В этот год третий раз остался Змей зимовать на родной стороне, не хотел бросать землю-матушку в беде. Зима выдалась лютая, снежная да безнадежная. А впереди было ещё столько дней войны...

Змей и поэзия

Змей, когда влюблён был, поэзией увлёкся. Баллады разные старинные под нос бурчал, оды сочинял и серенады пел.

Потом разлюбил, но стихов не бросил. Придумал себе в рифмы играть, когда делать нечего. И так заиграется, бывало, что ничего перед собой не видит всё забывает. Вот разгонится к нему богатырь какой-нибудь верхом на резвом коне, криком кричит:

– Эге-ге-гей, выходи, змей поганый!

– Пусть поганый, да не пьяный, – бойко отвечает Змей.

– Да ты что, дразниться?

– Остынь, попей водицы.

– Ах ты, немытая рожа!

– Твоя-то на что похожа?

– Счас мечом перепашу!

– А я сплюну да спляшу.

– Да я ж тебя, вражина!

– А в тебе росту два аршина.

А богатырь и точно невелик попался. Оскорбился, копьё наострил да и помчался. Прямо в грудь, супостат, целит! А Змей-то мой замечтался, головушку лапой подпёр и сочиняет слово похвальное землянике.

Но не бойтесь, всё хорошо кончилось. Разлетелось копьё вдребезги, наткнувшись на грудную кость, конь же в сшибке опрокинулся, богатыря сбросил и заржал обиженно. Змей встряхнулся, почесался, глаза скосил и молвил ласково:

– А не будешь поганым обзыватья,

Да обидными словами ругаться,

Да без повода-причины драться.

Богатырю стыдно стало, повесил он голову ниже плеч и поехал куда глаза глядят. Но поэзию с тех пор возненавидел.

Змей и головная боль

Однажды Змей объелся голубики – она ещё в народе гоноболью зовётся – и заболели у него головы. Сначала (минут пять) он стоически терпел боль. Потом (с пол часа) он уговаривал себя, что само пройдёт. Но видит, что не проходит, наоборот, в средней голове как будто сверлом сверлит, левая кружится непрерывно, а правая гудит. И во всех головах равномерно виски пульсируют. Летать совсем никакой возможности нет – навигация сбивается.

Поковылял Змей к озерцу и сунул в него лапы и хвост. Сомы налетели, губами его щекочут, вода из ключей приятно холодит, но боль не утихает. Сунул в озеро головы по

очереди, одну оставлял для дыхания. Под водой красиво камешки на солнце поблёскивают, мальки стайками мелькают, лягушки плавают, интересно под водой, но облегчения нет.

Залез Змей в дремучий ельник. Корявые ветки его по бокам шкрябают, иголки в кожу впиваются. Колко, неудобно, а головы, знай себе, болят.

Решил Змей бабу-ягу найти какую-нибудь, авось поможет. Не нашёл. Попробовал сам мухоморов поесть на всякий случай. Небо стало лиловым, а лес – малиновым. И из-под кустов рожи странные высовываться начали. Рогатые зайцы опять же пронеслись мимо. А головы не проходят.

Делать нечего. Пошёл Змей к железной дороге – жизнь кончать. А там рельсы раскурочены и стайка рабочих на припёке вперемешку с ломami и лопатами спит. Рядом четверть тёплого самогону, наполовину опорожненная. Змей учёный был, знал, что самогон – яд, вылакал четверть до дна и улёгся рядом, смерти-избавительницы дожидаться. Не заметил, как задремал. А рабочие проснулись, ужаснулись и разбежались.

С тех пор выражение "Зелёный змий" и пошло в народе. А головы болеть перестали. Видать, с похмелья.

Змей и Китай

Был у Змея в жизни случай, когда его чуть не съели. Он про этот случай – тьфу огнём три раза! – и вспоминать не хочет. Ну да я вам расскажу. Был тогда Змей молодой, шумный и гулливый. Решил в Китай слетать заморских фруктов – персиков да апельсинов – испробовать. Прилетел, расположился вольготно на рисовом поле, пузо мочит, молодые побеги пожёвывает. Вокруг копошатся маленькие человечки, но вроде его не замечают. И он их вроде не замечает.

А рядом сады цветут-благоухают, наводят на Змея мысли томные, сладкие. Хорошо в Китае! И эти маленькие что-то лопочут вокруг. И тут вдруг стал Змей знакомые слова угадывать. "Гигантская лягушка", "Накрыть сетью", "Большой огонь", "Подать императору на праздник любования сливовым цветом" и другие такие же неприятные.

Порасспросил Змей птичек и бабочек и понял: дело пло-

хо. Пришлось спешно с места сниматься. Очень большую в тот раз Змей обиду на людей затаил. Дней десять губы дул. На одиннадцатый простил. "Знамо дело, – подумал, – Я чистой ягодой всю жизнь питаюсь. Тело у меня стало сочное да сладкое, каждому охота попробовать".

В Китай, правда, с тех пор не летал. А персиков наелся лет через триста, когда по Дону реке шатался.

Как Змей кашу расхлебывал

Змей был любопытный, отчего не раз попадал в истории.

Вот однажды вздумалось ему попробовать, что за кашу такую люди себе варят. То, что она из зернышек варится, это он по духу распознал, и решил, что, наверное, вкусно. И вот как-то в лес наладилась орава мужиков – деревья валить по промышленному делу. Был среди них и кашевар выборной, знамо дело. И знатный, должно быть, кашевар был: как почнёт кашу варить, дух по всему лесу стелется, ажно волки в своих логовах жмурятся да облизываются. Тем более Змей.

Дня три он честно терпел. На четвертый день подкрался к самому лагерю и ну воздух нюхать. Вкусно! Не выдержал – высунулся на полянку. Мужик-кашевар руки в ноги и бежать, куда глаза глядят. А змей к котлу и сунул в него одну из голов, самую любопытную. Обжегся, конечно. Конечно, обожженным языком никакого вкуса не почувствовал. Осталось ему одно – лежать и ждать, пока остынет. Подождал с полчаса и опять пробовать полез. Каша показалась Змею чересчур солёной и ещё какой-то слишком клейкой, но в целом приятной. Наелся до отвала и лег на солнышке вечером утробу греть.

А мужик-то, оказывается, не куда глаза глядят, бежал. Он, оказывается, за подмогой бегал. И вот выскочила на разнежившегося Змея целая орава мужиков, да все с топорами. Вскочил он, насколько вскочить удалось, и ломанулся в лес, ветки трещат, мужики орут, сзади по хвосту и спине пару раз топорами приложились... В общем, убёг.

Лечился потом, потому как, хотя на змеях все и заживает быстро, но рубленая рана это вам не шутки. Тут научный подход надобен. Так баба-Яга сказала, когда выбирала для Змея зелье лечебное. И выбрала, конечно, самое горькое. Ух,

и вредная же старуха!

Сон в зимнюю ночь про Змея и эльфов

Задремала я давеча на работе, и приснился мне сон. Сидит Змей на холме, лапы свесил, крылья растопырил, хвостом по траве елозит-щекотится. Смотрит на закат, думает о вечном (о землянике, знамо дело). А тут мимо на паутинке Дюймовочка пролетает.

– Стой, – говорит ей Змей грозно, но будто и ласково, – Ты куда в моей сказке летишь? У тебя своя сказка есть.

– А мне скучно стало в своей сказке: кругом эльфы да цветы, песни да нектар, хочется чего-нибудь поинтересней.

– Ну, тогда присаживайся. У меня-то все интересно. Вишь – бабочки летают, слышь – птички поют, чуешь – земляника поспевает. А ещё баба -Яга живет в глубине леса, у ей нос в пол-лица, а во рту зуб один, зато железный.

Так и стали Змей да Дюймовочка жить вместе. Он её к синим горам возил и к бурному морю катал, и в дремучий лес заводил. Кормил земляникой – ягодой ранней да душистой.

Но всякая идиллия кончается. Однажды прискакал верхом на кузнечике принц эльфов и принялся Змея воевать, чтоб он чужих невест не воровал. Змей для почета лапой потмахивался, а потом отдал Дюймовочку.

С тех пор считается, что эльфы драконов побеждают. Вот такая легенда пошла по миру. А кого они, эльфы эти, победить могут, кроме мухи? У них и не шпаги, а страм один. Но про то только Змей знает. А он скромный, болтать не любит.

Змей поёт

Накатывает иной раз на Змея грусть-кручина. Настоящая русская тоска порой на него нападает. Сидит он тогда в самом темном углу леса, головы ниже плечей повесив и изредка чёрным огнём плюётся. И мысли ему в голову лезут тяжё-

лые, неудобные.

Думает тогда Змей, что остался он один-одинешинек на белом свете и уже лет двести как не видел никакого другого дракона, тем более, драконихи. Думает, что перевелись на земле добры молодцы да красны девицы. Не с кем теперь биться-рататься, не с кем лясы на завалинке точить. Думает, что вместо красивых и гордых лошадей у людей теперь гремачие и вонючие железные машины. Думает, что уже и не полетаешь свободно по небу, потому как эти, ну как их, вот недавно только помнил... а! самолёты и вертолёты кругом.

И где сейчас его милые детушки, неизвестно. И на тыщу километров вокруг всего только одна баба-Яга живет, и та всё больше антибиотиками пользуется. Ай-фон себе завела к тому же.

Эх, тошно Змею!

А не завести ли песню, грустную да протяжную? И запекает Змей, про то, как "Исполать тебе, детинушка, что умел воровать, умел ответ держать" и дальше жалостное, как "я за

то тебя, детинушка, пожалуйю". И катятся крупные, с куриное яйцо, слёзы из его не по-змеиному добрых глаз. А потом ему легчает. Снова небушко радуется синее да солнышко красное. Снова жизнь мила.

Вот что песня хорошая делает. Пойте, ребята, чаще и громче.

Змей и сказочники

Змей очень любил сказки. И... не любил их. А все потому, что в сказках змеев убивают. Их сначала вбивают в землю по самые плечи, а потом молодецким ударом все голову долой. Или выкапывают яму, ложатся в неё, а там снизу мягкое брюхо вспарывают.

И перед этой несправедливостью меркла вся любовь Змея к Иванам-Царевичам, Василисам Премудрым, Марьям Моревнам и Сивкам-Буркам. "Да что ж это такое! – думал Змей

– Ну почему так устроены люди, что им обязательно кого-то убить надо. Ну, ещё Кашея ладно. Вредный старикашка, жадный. А Бабу-Ягу то за что? Самая распрекрасная старуха в мире. Знающая, всегда есть поболтать о чем. А какие она грибочки солил и морошку какую мочит!"

В общем решил Змей найти сказочника какого и расспросить по-хорошему, в чём дело. Обернулся добрым молодцем и пошел по белу свету бродить. Семь пар железных башмаков истоптал. Семь пар железных колобков изглодал, наконец нашел сказочника. Познакомился с ним, представился иноземным студентом, пару раз кофию выпил со сдобными булочками, в общем, заделался приятелем. И вот гуляют они как-то вдоль серого моря и Змей сказочника спрашивает на чистом нерусском языке:

– Скажите мне, милый друг, отчего в народных сказках дракон всегда олицетворяет зло? Ну нельзя же, в самом деле, сердиться на хищника за то, что он ест мясо? Вот, например, лев или медведь. Они в сказках частенько добрыми бывают. Или чудовище – оно всегда оказывается заколдованным принцем. И потом, что такого неприятного в любви драконов к сокровищам? На мой взгляд, это, напротив, свидетельствует о тонкой душе, ценящей прекрасные вечные ценности.

– Не знаю, что Вам и ответить, – говорит задумчиво сказочник. – Возможно, дело просто-напросто в том, что люди издревле боялись ящериц и змей. Уж больно взгляд у них неприятный.

– А написали бы Вы сказку о хорошем драконе. НУ, бог сним, пусть бы даже о заколдованном принце? – Гнет свою линию Змей.

– Видете ли, милый друг, меня драконы мало интересуют. Мне все больше люди любопытны – отвечал Ганс Христиан Андерсен (а это был именно он) и показал пожатием плеча, что его эта тема не очень-то и волнует.

Так Змей ни с чем и остался. Правда, он нашел сказочника, которому драконы не интересны, и пристрастился его сказки читать. Только были те сказки, в основном, грустные, и немало слёз над ними Змей пролил. А у них, у змеев, души тонкие и ранимые.

Явь и сон

Задремал как-то Змей в душистом июльском лесу, весь день проспал, а проснулся только к вечеру. И вспомнил: снился ему сон дивный, прекрасный, а про что – не помнит, забыл.

Стал Змей усиленно головы напрягать и задумываться, а вспомнить все одно не может. Начал тогда по лесу бродить и все сказки, которые знает, вспоминать – не про них ли сон был. Может, думает, приснилось мне, что я пышный колобок и гуляю по свету с песней? Нет, не то. Может, я напился из копытца и стал козленочком? Не подходит. Может, я забрался в дом к медведям и залез в Мишуткину кровать? Эх, где б была та кровать, даже если бы я в нее каким-то чудом залезть умудрился. Не то я был Иваном-царевичем и пустил каленую стрелу в болото? С лягушкой целоваться противно, не сон, а погань какая-то получается. И тут вспомнил Змей.

Снилось ему, что он Золушка и сидит в кухне, огнем из глотки очаг разжигает. А Змеиха-мачеха велит ему до утра

следующего дня собрать дань с семи королевств, да похитить семижды семь принцесс, да сразить семижды семьдесят рыцарей. Закручинился он, повесил головы ниже плеч и думает, что такого сложного задания ему даже в драконьей академии не задавали, уж на что профессор Ядозуб был вредный старикашка. "Где же – думает он, – я возьму семижды семьдесят рыцарей, согласных, чтобы их сразили? Нет теперь таких дураков в сказочном королевстве".

И тут прилетает Змеица-феица и говорит:

-Не горюй, Золушка. Лучше отполируй свои когти и зубы, почисти крылья и броню, полетишь сегодня на бал. Там тебя встретит Дракон-королевич, влюбится в тебя и поведет под венец. И не надо тебе будет выполнять задания злобной змеищи мачехи.

Обрадовался Змей, заскакал по кухне, схватил котел, об него когти заточил, съел двадцать бушелей яблок – зубы за сверкали, как алмазы, нашел старый бархатный балдахин и натер свой панцирь до блеска.

Полетел на бал. А там уже огни сверкают, трубы гремят, столы ломятся от земляники и прочей ягоды. И принц, такой культурный, такой обходительный.

– Ах, – говорит, – Золушка! Как Вы прекрасны! Как Вы очаровательны и умны. Я, – говорит, – без ума от Вас.

В общем, дело близится к сватовству. И тут Змея осенило.

– Как же, Ваше высочество, мы жениться будем, если, извините, Вы – мальчик и я – мальчик?

– А это ничего, – говорит принц. – Это нынче вполне обычное дело у нас, в Голландии.

Тут Змей и проснулся. Выходит, сам-то сон не такой приятный был, а приятно было пробуждение. Приятно было, что он по-прежнему Змей, вольный и веселый. Нет, что ни говорите, а явь прекрасней сказки.

Змей при дворе

Повелось издревле на святой Руси, что, где увидит добрый молодец змея горыныча, там ему и сечет головы с плеч. Даже если совсем маленького змееныша увидит, все равно так сразу и сечет. А Змей-то мой был не маленький. Змей-то мой был телесами обширен и плотью обилен. Потому изобретал разные способы. Чаще всего он прикидывался мшелым холмиком. Иногда просто улетал, оставляя ошарашенного богатыря топтаться на месте. Порой заводил остроумную беседу и вконец сбивал добра молодца с толку. В общем, как-то пережил Змей средневековье, сдюжил в лихие петровские времена, не сплеховал и в Екатерининские.

И тут настало царство Павла Первого. И по всей земле русской пошли маршировать вытянутые выправкой гвардейцы с блестящими штыками. А Змей страсть любопытен был. Поднялся он с вольной оренбургской степи, где всякой южной ягодой пробавлялся, и полетел в северную сторону.

Стояло лето, самый июль. Кругом земляники было – загляденье. Приземлился Змей в Гатчине посередь парка супротив дворца. У гвардейцев глаза на лоб повылезали, да от-

цов-командиров они пуще Змея боятся – стоят во фрунте, не шелохнутся. Змей ровным шагом да с важным видом караулы все обошел, во все полосатые будочки заглянул, в конюшни тоже наведалься, каретный двор осмотрел. Павильоны Змею шибко понравились – в них зеркала, да фарфоровые вазы, да хрустальные чаши, и в каждой змеюшка отражается, в каждой сердечной улыбкой приветится.

В общем, остался Змей доволен. Вдруг видит – идет по соседней дорожке баба-яга, почему-то в желтом платье колесом и с болонкой.

– Привет, ведьма старая! – воскликнул обрадованный Змей. – Что ты тут делаешь?

– О, кель хоррёр! – воскликнула баба-яга и хлопнулась оземь навзничь.

Смотрит Змей, а у неё и нос покрючковатей будет, и волосы поглаже, хотя тоже дыбом надо лбом вздымаются, и вся она какой-то белой мукой припорошена. Да и руки чересчур чистые. Смутился Змей и улетел прочь.

А престарелая княжна Аделаида Петровна поведала позднее этот случай знаменитому заезжему спириту и знатоку магнетизма Францу Антону Месмеру. Он ей, что характерно, не поверил.

Змей и большая любовь

Первый-то раз Змей влюбился, как положено: в молодую шустрюю драконицу. А второй раз угораздило его влюбиться в пичугу. А дело было так. Сидел Змей теплой июньской ночью в березничке за баней и слушал соловья. Не первую уже ночь сидел. А как змеи все поголовно очень в языках смышленные, стал он потихоньку понимать, о чем пел (и мастерски пел) соловей. А пел он о своей возлюбленной. О том, что она скромна и изящна. О том, что она добра и чистосердечна. О том, что глаза ее точно звезды, клювик – точно шип на благоухающей розе, крылья быстрые, а полет верный. О том, что излетал соловей всю Русь-матушку и пол-Африки, а такой красавицы и умницы не встречал. Слушал-слушал наш Змей, да и влюбился. Вот только никак понять не может, в которую соловыху? Все они для него на одну головку – серенькие, неприметные, крохотные. Чирикают что-то еле

заметно, в общем, не разберешь, где какая.

Человек бы подумал-подумал, да и бросил такую любовь. Но у Змея сердце большое (пудов двенадцать будет, наверное), он так порешил: а полюблю я сразу всех. И стал ухаживать. Ухаживал с размахом. Свил гнездо из ельника полутора метров в окружности. Нагнал тучу мошкары с болота – угощенье красавицам. Собрал букет ромашек и на среднюю голову надел для красоты. И, конечно, писал стихи.

Спросите меня, а чем кончилась эта любовь? А она не кончилась – отвечу я вам. Так Змей по сю пору всех соловьих любит, а всех соловьев считает своими соперниками. Только биться-рататься ему с ними нельзя. Совсем никакой славы от такого боя, поношение одно.

Змей на базаре

Пошел Змей раз по базару, купить кренделей, леденцов и прочей пастилы. Знамо дело, не в собственном обличии

пошел. Притворился Ивашкой Пименовым. А денег-то и не взял. И то сказать, откуда у Змея деньги? Это у заморских драконов золота в изобилии – очень они коммерцией заниматься любят, а змеи горынычи – народ, в основном, бедный. Живут все больше у речки Смородины, под Калиновым кустом да в полон девок сгоняют. В общем, одни траты у них. Так и у Змея моего за всю его многосотлетнюю жизнь скопились только полторы копейки. И те еще Иваном Грозным печатаны. А пастилы хочется – страсть!

Змей, однако, таланты кой-какие имел. На столб, салом смазанный, влезть – для него раз плюнуть. Так добыл себе сапоги яловые. Хорошие сапоги, но абсолютно несъедобные. Сапоги тут же сменял у шорника на седло и подпругу. Подпругу продал крестьянину за пуд меда, а седло цыганам продал за неразменный пятак. Вот на тот пятак и скупил себе Змей пол-базара. Оборотился опять в красавца трехголового, навел мороку на люд, нагрузился сладостями и был таков. А пятак неразменный у него до сих пор цел. Только теперь уж на него ничего стоящего не купишь. Не те времена.

Змей и защитник

Иван-крестьянский сын сызмальства был защитником. В три года защищал младшую сестренку от разбуянившегося петуха. Чуть глаза не потерял, но защитил. Потом по-малости, по-малости: ребят своей деревни от ребят соседней деревни, ребяташек от напившегося кузнеца, овин от медведя-шатуна... Под конец пришлось ему защищать всю страну. Двадцать пять лет служил он в армии, помотало его и по жарким, и по холодным странам, и по пустыням и по горам. Вернулся домой седой, бывалый и немногословный. Завел домишко на отшибе и принялся ухаживать за барским садом, разводить в нем какие-то невиданно крупные вишни и диковинные пряные травы.

К детишкам был суров, пужал их, не давал лакомиться сладкой хозяйской ягодой.

И вот как-то июньским теплым вечером гулял он по саду и услышал какое-то не о хрюканье, не то чавканье. Смотрит – а посередь саду какой-то зеленый морок ворочается. Огромный просто! Но не струсил бывший солдат, перехватил палку второй рукой и спорым шагом пошел к супостату.

Змей мой (а это, вестимо, был он) оборотился и посмотрел на Ивана ласково.

– Ох, и вкусная у тебя в саду черешня, дедушко.

– Ах ты, поганый змеище, дьявольское отродье, ты зачем барское добро поганишь?

– А ведь мы с тобой уже встречались, Иван-крестьянский сын. Помнишь на Азове лежал ты, раненый, на биваке, а незнакомый парень тебе водицы поднес да медом с орехами угостил?

И вспомнил все старик. Как ухаживал за ним какой-то вихрастый паренек, непонятно как прибившийся к русскому войску, как промывал ему рану да сказывал по вечерам дивные сказки.

Пригляделся – а и точно, глаза у змея те же, что у парня того – синие, глубокие и добрые. Однако не рассуропился бышний солдат, а наоборот, нахмурился и сказал:

– Ну ты, того, все равно, не озоруй. Ступай, значит, мимо.

Усмехнулся Змей, потянулся да и расправил крылья, алым блеском с зарей соперничая:

– А садовник из тебя получился славный. Да и защитник

ты был не из последних. Был и остался. – Поднялся на крыло и нарочито медленно полетел к горизонту. А Иван-крестьянский сын всю ночь не мог уснуть, вспоминал прошлое. И особенно – петуха, который чуть Марфушку не затоптал.

Нужная голова Змея

Вот вы, ребята, наверное думаете, что мой Змей всю жизнь о трех головах ходил. Ан нет! Все драконы рождаются одноглавыми. Но, обладая невероятными регенирирующими свойствами способны отрастить себе хоть двадцать дополнительных лап, хвостов или голов. И тут все зависит от обычаев. В Китае, например, уважающий себя дракон скорее даст отсечь себе язык или ус, нежели вырастит вторую голову. В Греции, напротив, все драконы норовят наотрачивать себе побольше пастей, навроде лернейской гидры или Сциллы. Европейские драконы, несколько раз переменяв вкусы, остановились на элегантной сдержанности.

Змей мой, будучи от рождения валлийским драконом, дополнительные головы себе приобрел после выпуска из университета, который он закончил вторым по успеваемости с конца. Посему назначили ему практику отбывать где подальше, то бишь на Руси. А на Руси чуды-юды поганые всю жизнь

водились о трех, о шести, а то и о девяти головах. Вот и пришлось Змею соответствовать. И то левая голова выросла порядочная – шустрая да смышленная. А вот правая поначалу не задалась. То спала целыми днями, то огнем ни с того ни с сего во встречных гусей пулять начинала, то выла нескончаемые песни и не давала двум другим спать. И вообще говорила, что у нее загадочная русская душа и всяким немцам поганым ее не понять.

Помогла Змею баба-яга. И то случайно вышло. Сидел как-то Змей на болоте, морошку ел. Мимо яга и летела. Неспешно летела – природой любовалась. Вот правая голова ее одним метким плевком и сбила. Осерчала старуха, отбросила помело, схватила обеими руками ступу и прямо на нужную макушку ее и обрушила. Тут-то в голове и прояснилось. И стал Змей весь целый, веселый и довольный. И какой-то даже русский стал. Хотя родом-то он валлиец, это точно.

Змей открывает глаза

Каждый раз, когда Змей просыпался, он совершал открытия. Он открывал глаза и всегда находил что-то новое, невиданное. И всегда удивлялся.

Но Змею нравилось не только удивляться. Змею нравилось встречать знакомое. И как-то так получалось, что все знакомое все равно оказывалось невиданным и чудесным. Например, апрель. В апреле Змей совершал долгий перелет: пересекал аравийские пустыни, кавказские горы, вольные степи и оказывался, наконец, на Руси.

На Руси Змею нравилось. Там легко дышалось, было просторно его немаленьким телу и душе. Там, на лесных завалинках, еще оставались темные горы снега, а на полянах уже цвели наглые мать-и-мачехи и заливались скворцы. Змей за время долгой дороги худел, а есть еще было нечего. Поэтому Змей сразу, как прилетит, как осмотрит с удовольствием свой лесок и речку, бросался оземь и оборачивался добрым молодцем. И шел на село. На селе в конце апреля всегда есть работа. Дорогу поправить, церковь обновить, пустошь от коряг освободить. А то еще приспособился Змей паршу с коров сводить. Дыхнет пару раз дымом своим сернистым, скотине и полегчает. Потом май начинался, пахота с утра до вечера. За труды брал он с крестьян горшок каши с конопляным маслом или полкаравая хлеба с острой тертой редькой. Ежели Пасха случалась, доставались Змею и круглые красные яйца.

Конечно, и драться приходилось. По весне у парней кровь

играет и часто сходятся они на кулачки, особенно, если ошибается на селе здоровенный синеглазый детина, на которого почему-то девки заглядываются. С девками же Змей был вежлив, но осторожен.

А потом приходил день, когда зацветала черемуха. И тогда Змей, проснувшись, прежде чем открыть глаза, втягивал ноздрями воздух и замирал от радости. И не нужна ему больше была каша, и тяжелым ему казалось приземленное человеческое тело. Возвращался он тогда в свой исконный образ и взмывал стрелой в розовеющее небо.

Старый Пахомыч, который вставал раньше всех, стоял на крыльце, ежась, и наблюдал, как в лучах первой зари кувыр-калось среди облаков чудо-юдо. "В этот год опять не будет земляники" – думал старик.

Сказочник и его друг

Жил-был веселый сказочник. Сказочник он был веселый, а человек грустный. Вокруг него вечно толпилась детвора с просьбами рассказать историю поинтереснее, но своих де-

тей у него не было. По вечерам он приходил в свой пустой чистенький дом, съедал тарелочку тыквенного супа-пюре и выходил на крыльцо. Там он курил трубку, пускал большие неровные кольца и любовался закатом. И сочинял сказки.

Про мыльного пузыря, который чуть было не сделался папой римским, да на самой церемонии очень важный кардинал протянул руку, чтобы пощупать имеет ли святой отец искомое, и проколол пузыря острым ногтем на мизинце. Про лисичку-сестричку, которая обманула и зайчика-побегайчика, и волка-зубами щелка, и мышку-норушку, а медведя не смогла. Потому что медведь был старый, мудрый, а, самое главное, глухой. Про прекрасную принцессу, которая плакала жемчужными слезами и пополняла тем казну своего бессердечного отца, пока не выяснилось, что смеется она бриллиантами чистой воды. И тогда ее защекотали вусмерть. Про бравого солдата, который победил трех великанов и станцевал польку с румяной Аннушкой. А потом вечер кончился, на землю опускалась ночь и он шел в кабинет, где записывал свои сказки скрипучим обгрызенным пером.

У сказочника была тайна. Изредка, все чаще в августе, его навещал друг. Они выходили далеко за город в поле, полное зрелых подсолнухов, и вместе пускали кольца дыма и рас-

сказывали друг другу истории. Только гость рассказывал были. Но эти были походили на сказки. И в тот день сказочник единственный раз за весь год спал спокойно и видел во сне обширные леса и светлые поляны, полные сладкой душистой ягоды. А друг его не спал. Не было для него места на обихоженной европейской земле. Всю ночь летел он, вольный и неутомимый, на юг, зимовать.

Змей и немец

Как-то раз напоролся Змей в лесу на геологов. Они сначала пару раз пальнули в Змея из новомодной пиццали, а потом деру дали. Но оставили после себя много полезных вещей. Кашу с тушенкой Змей из котелка сам выхлебал, а как учуял спиртное, которого на дух не переносил, решил пустить его на медицинские цели и позвал бабу-ягу. Та поломалась немного, но пошла. Покопалась в палатках, примерила пару брошенных впопыхах курток и штопанный носок (один), нашла хорошее стеганное одеяло, почему-то на молнии и пачку лаврового листа. От спирта тоже не отказалась. Но кроме всего прочего, нашла у геологов книжка.

Баба-яга сунула в нее нос да и зачиталась. А дочитав книгу, пересказала ее Змею. Книга была про немца. Немец ку-

рил трубку, играл на скрипке и ловил огромных собак со странной фамилией. Еще немец падал в водопады и не расшибался. Немец, вроде бы, был вполне здоровый, но при нем постоянно находился доктор, который почему-то запрещал ему делать уколы. К немцу ходили люди и задавали ему вопросы. А он был умный-преумный и на все вопросы знал ответ.

Очень этот немец Змею понравился. Змей даже скрипку себе из поломанной сосны да старого мотка веревок соорудил. После первого же концерта на поляну заявился медведь, держа в передней лапе потерявшего сознание соловья, и слезно просил не пиликать больше. Змей еще пуще загордился и надумал курить. Насушил лопухов, камышину нашел потолще, да и затянулся. Но змеи приспособлены дым из ноздрей пушать, а не в себя втягивать. Закашлялся, засморкался и прослезился. Только вот доктора себе Змей так и не нашел. Не ходят доктора там, где Змей обретается. Да и ему в больнице делать нечего.

Змей, монахи и привязанности

В прежние времена Змей все больше в Индии зимовал. Найдет себе какой-нибудь заброшенный княжеский дворец

глубоко в джунглях и живет там зим десять, пока не надоест. В Ганге купался, с крокодилами дрался, со слонами беседовал, кобр опасался. От кобриного яда у него жуткий насморк приключался и чесотка между головами. Любил Змей, когда в Индии сезон дождей начинался и все в рост пускалось, а потом зацветало. Любил Змей в звездные ночи подниматься высоко над джунглями и парить в черном бархатном небе. Вот только не любил Змей буддийских монахов. А все почему? Потому что случилась раз у него встреча.

По утру, спросонья, выбирался он как-то из зарослей и запутался в лианах. Только стал пути пережигать мелкими огненными плевками, как услышал биение барабанов и монотонное пение. Извернулся и увидел человек восемь бритых, в оранжевых покрывалах и с точками во лбу. Окружили они Змея, расселись в разных позах и давай под нос гудеть и покачиваться. Инда закружились головушки у Змея. Выпутался он из лиан, не очень грациозно плюхнулся на землю и приступил к человеку с распросами: кто, мол, такие и почто гудут. А те молчат, только еще быстрее качаются и в барабаны яростнее стучат. Подумал Змей, что плохо он их язык понимает и решил сыскать толмача.

На высоком каменном столбе посреди джунглей сидел в позе лотоса великий йога Шатхья и предавался самосовершенствованию. Вдруг откуда ни возьмись свалился на него

крылатый трехголовый Наг, схватил когтистой лапой поперек узких чресл и понес. По пути на ломанном языке слезно просил уговорить рыжих людей уйти подальше и не мешать жить мирным нагам. Шатхья удивился, но не сильно, потому что испытал и преодолел все соблазны мира. Спустил его Наг на землю посреди буддийских монахов, а сам в сторонке стал и приготовился слушать.

И вот что Змей про себя узнал. Оказывается, его, Змея, нет, а есть он всего-навсего порождение злобного Мары. Оказывается, и Мары нет, и всего мира нет, а есть только нирвана. Но и нирваны тоже нет, потому что ее еще надо достигнуть. Задумался Змей и спросил:

– А если всего мира нет, то и земляники-ягоды, выходит, нет?

– Нет, – грозно сказал монах.

Вот тут Змей и затосковал. Монахи погундели-погундели и ушли, а тоска осталась. Даже спать не мог Змей, просыпался среди ночи вздыхал и думал: "Как так нет земляники?" и снова вздыхал.

Совсем извелся. Летел обратно в Россию и плакал горячими слезами. Только в июне и успокоился. Выполз на при-

горок, оглядел зеленые листья да красные ягоды и сказал сам себе: "Соврали, нехристи". Но оранжевые плащи с тех пор не взлюбил и к философам относился настороженно.

Сказ про то, как Змей ходил на край мира правду искать

Узнал как-то Змей, что нет правды в земле русской, и страшно огорчился. Думал три дня и три ночи и решил правду сыскать и в землю русскую вернуть. Потом развернул крылья, посоветовался между тремя головами и решил для начала слетать на юг, поскольку дорога эта была ему хорошо известна. Летел Змей, летел, спрашивал по дороге встречаемых драконов и рыцарей, и прекрасных дев, и все ему отвечали, что слышали, будто есть где-то правда, но где точно – не знают, не ведают.

Сперва Змею было прохладно, потом жарко, потом снова прохладно и, наконец, холодно. Да к тому же еще и голодно. Куда ни глянет Змей – повсюду океан и ледяные торосы, а ни травы, ни кустов, ни ягоды не видно. Из живности только киты попадаются, да рыба. Киты приветно гудят и зовут в море поиграть, да не дурак Змей в такую воду соваться. Рыба молчит и шныряет туда-сюда. Наконец, показался снежный

берег. Да не пустой – насколько глазу видно, покрыт он черными точками.

Спустился Змей пониже – ан это зверушки неведомые, спустился еще ниже – не зверушки, птицы. Важные такие, серьезные, ходят степенно, и, по всему видно, жизнью довольны.

"Вот, – думает Змей, – они-то точно знают, где правда". Спустился и принялся у птиц выпрашивать. А птицы ничего не понимают, только лопочут на незнакомом языке что-то совсем непонятное.

Чувствует Змей, что тут ему и погибель придет, да так он правды и не узнает. Взгрустнул и заплакал слезами горячими.

Тут из-за тороса выполз синий снежный дракон и уставился на него старыми холодно-серыми глазами:

– Из-за тчего фы так убифаетесь, молотой тчеловек? – спросил он с сильным немецким акцентом.

– Нет правды на земле, – только и смог выговорить Змей и разрыдался пуще прежнего.

– Как это нет? Та она же пофсюту! Ее только ната уметь фидеть. А фы просто ещо оччень молоты и ферите фсему, что слышитте.

– Значит, есть правда на земле? – обрадовался Змей и в желудке у него заурчало. – А поесть у Вас, извините, не будет?

– Сколькко хочешь, – ухмыльнулся снежный дракон и указал лапой на пингвинов.

– Я таких не ем, – сконфузился Змей.

– Ну что же, у вас – своя прафта, у нас – своя прафта, – сказал дракон и скрылся в ледяной пещере.

Змей вздохнул, облизнулся, поджал желудок и полетел обратно, на север. И даже что-то насвистывал по дороге.

Змей о святки

Собственно говооря, святки в самом разгаре. Полагается гадать. Засесть вечером в холодной бане и поставить перед собой зеркало. И за собой поставить зеркало так, чтоб отражалось в первом. И лучину зажечь. И ждать, пока суженый из-за плеча выглянет. Самое трудное в этом деле, конечно, найти нетопленную баню и лучину. С зеркалами гораздо проще. А в старину было наоборот. В старину зеркал почти и не было на деревне. Кто побогаче, брал медный таз начищенный. Бедные же люди ушатом воды обходились.

Было это в ту зиму, когда Змей второй раз зимовать остался. Устав от вечного шума и мельтешни, которую устроили ему детушки, подался он в самые крещенские морозы на деревню. Вестимо, прикинулся заезжим молодцом. Якобы на богомолье собрался, потому как зубы у него болят – спасу нет. А на деревне девки простоволосые из ворот выскакивают и лаптями да валенками швыряются. На деревне из-за каждой калитки: "Как тебя зовут, добрый молодец?" – раздается. На деревне парни тулупы мехом вверх выворотили и прячутся за дровенниками, девок в потьмах щупают. Девки, конечно, визжат. Снежки вокруг летают, курицы над зерном квохтают, свиньи под ножами визжат, кругом пироги да каша с мясом – в общем, весело на деревне.

Одной сиротке Алене не весело. Отца у нее бревном зашибло, мать от грудной болезни умерла, живет Аленка у тет-

ки. И тетка вроде не злая, а нет-нет да упрекнет куском хлеба. И уж всяко никто ни пряника не подарит, ни ленточки с ярмарки не привезет, а уж тем более колечка или сережек. И вот сидит Алена в нетопленной бане перед ушатом с водой. В одной рубашке сидит, коса распущена. Боязно ей, а, делать нечего, сидит одна, как полагается. И хочется ей, чтоб в ушате Олеша, сын дьячка, объявился – парень ученый и обходительный. Но никого не кажет вода, только темные зыбкие тени.

И вдруг -раз! – появилась в ушате смеющаяся белозубая рожа. Волосы темные, кудрявые, разбойничьи, а глаза синие, добрые. Чужой кто-то, не знает Аленка такого.

Змей, вестимо, особой змеиной тихой повадкой подкрался и любопытствует. Аленка вспыхнула, вспылила, чуть затрещину не вlepила, да устыдилась пришлого человека. А Змей присел на лавку да и принялся ее леденцами угощать. Слово за слово, разговорились. В основном, о простых деревенских делах – где какие свадьбы и у кого свекровь лютая, а кому свезло. В общем, о пустяках. Поговорили так с полчаса, сердце у Алены отеплело, Змей оставил ей горсть семечек да и ушел. И еще нашла девушка на полу медную пуговицу дивного узора – словно ветки и цветы переплетаются в диковинный крест.

Догадался ли Олеша, что по нему красавица страдает, и сладилось ли у них дело – я не знаю, и врать не буду. А Змей вернулся к детям. Нельзя их надолго оставлять-то одних – одно слово, змееныши.

Змей и день свтого Патрика

Драконы, все поголовно, справляют день Святого Патрика. Не могу сказать вам, почему. Может, потому что со временем броня всех драконов, даже красных и золотых, приобретает болотно-зеленый оттенок и они чувствуют в этом родство с ирландскими просторами и клетчатыми пиджаками. Так что все драконы в этот день напиваются вдоволь элем и виски. И даже мой Змей.

Как-то раз в Индии... Ну да, в Индии, чего вы удивляетесь? Куда только не заносит судьба бойких остроглазых авантюристов! Так вот, как-то раз в Индии на свежесчищенной от деревьев и лиан полянке собрались солдаты ирландского полка, охранявшие строительство железной дороги. Собрались, чтобы попеть песен старинных, хлебнуть из

фляжки, чего покрепче, и запить из бочонка, чем полегче. И закусить карри, потому что, кроме карри, их полковой повар Прадрапуштра ничего готовить не умел. Ну, выпили, как водится, по глоточку за прекрасный зеленый Эрин, забросили в рот острой курицы с рисом и потянулись за элем. А бочонка-то и нет.

– Так, – сказал сержант Флинн рядовому О'Салливану, – чуует мое ретивое, что это чья-то рыжая рожа бочонок стырила и припрятала.

О'Салливан ничего не ответил, только выразительно сплюнул через щербину в зубах и принялся засучивать рукава. Глядя на него, прочие ребята начали было расстегивать португепи и снимать суконные куртки, но вмешался отец Хиггинс, склонный к дедукции.

– Тише, друзья мои, тише! Не думаю я, чтобы честный ирландский парень лишил своих товарищей выпивки в день Святого Патрика. Это дело надо расследовать.

Принялись расследовать. И тут же нашли на земле следы странного трехпалого слона, уводящие прочь от дороги в джунгли. "Ага! – решили сметливые ирландцы, – это, наверное, хитрые индийские погонщики решили выпить за наш счет!" Хлебнули еще виски и бросились в погоню.

А Змей, недалеко унеся бочонок, в это время уже успел напиться, закусить недозрелыми манго и сахарным тростником, и затыкнул:

– Быв-вали дни веселые, гулял я молодой!

И вот представьте себе удивление бравых ирландцев, когда они узрели под деревом трехголового, позеленевшего от выпивки, дракона с ало-золотистыми крыльями, раскрытыми широко и степенно помахивающими, висящего примерно в метре от земли и покатывающего между лап их бочонок, который был когда-то полон отборного эля!

Ирландцы шумно выдохнули и хлебнули из фляжек еще по глоточку виски. А дракон раскрыл пошире глаза, принялся и на гэльском языке радостно завопил:

– Если у тебя череп, как яичная скорлупа, не ездят на ярмарку в Дублин.

Сержант Флинн крякнул и спросил, повысив голос для ясности:

– Так ты что, брат, тоже ирландец?

– Можно сказать и так. – Ответил Змей, который был валлийцем, ну, в общем-то, соседом. – Налетай, парни, там еще осталось. Всем хватит!

Долго уговаривать не пришлось. Развели костерок, перетащили из лагеря котел с карри, обтрясли пару ближайших плодовых деревьев. И до самого рассвета разносились по джунглям, на удивление зверям, птицам и, в особенности, крокодилам, знавшим трезвый нрав Змея, ирландские боевые и заунывные песни вперемешку с русскими плясовыми да хороводными.

О преимуществах Змеев

Нет, ребята, Змеем жить на свете куда сподручней, чем простым драконом. Считайте сами.

Голов можно отрастить до девяти, и все еще считаться элегантным классическим змеем. Это раз.

Пузо можно иметь необъятное с тем же результатом. Это два.

Принцесс можно не воровать и, следовательно, отвечать на вызовы благородных рыцарей презрительным пыф (огненным и жгучим). Это три.

Можно дружить с бабами-ёгами. А у драконов, как известно, друзей нет. Это четыре.

Можно грянуться оземь и оборотиться добрым молодцем. И при этом никто тебя жениться на младшей дочери купца не заставит. Это пять.

Можно не копить богатства и обойтись одним медным пятакom. Правда, неразменным, но не в деталях дело. Это шесть.

Можно есть земляники от пуза, а малины с морошкой – в пропорции. Это семь.

Можно летать в Китай и Индию и дразнить тамошних водяных драконов и крокодилов. Это восемь.

Можно, если все в жизни наскучит, забраться в самую глухую тайгу, где даже лешие не водятся, и сидеть там безвылазно аж две недели. Или чуток поменьше. Это девять.

Да и вообще можно жить в свое удовольствие. Это десять.

Правда есть один минус. Все заезжие богатыри обзывают тебя поганым идолищем. Но что на них, необразованных, обижаться? Они, в отличие от Змея, академиев не кончали.

Зимние сказки

Сказки – дело зимнее. Сядет вечером при лучине бабушка носок вязать у теплой печки, рядом хозяин инструмент правит, детишки гурьбой соберутся на мерцающие угольки смотреть, кошка тайком проберется поближе к теплему козьему боку – зимой козы котятся, и их с маленькими козлятками в избу забирают... Хозяйка, опять же, рядом с мужем на лавке примостится – рубахи чинить или рушник вышивать... А о чем говорить? Невелик зимний день, да все разговоры уж переговорены. Ну, и пристанут ребятишки к старухе:

– Баушка, расскажи старину! Баушка, про Сивку-Бурку!
Нет, баушка, про гусей-лебедей!

Задумается бабушка, прикроет ненадолго глаза, да и примется сказывать.

– За морем-окияном, за островом Буяном, в некотором царстве, в бусурманском государстве живет чудо-юдо о трех головах. Тело у него – как гора, лапы – как стволы деревьев, хвост – как ельник частый. На каждой лапе по три когтя, длинные, как кинжалы. А зубья у него – как у лошади, ровные, белые и сами собой растут.

Растут они, значится, сами собой, и больно от них чуду-юду, мочи нету, надоть зубы стачивать. Поэтому и жует оно все время. Да не мясо жует, а самолучшую пшаницу, морковь жует, репу, капустой, опять же, не брезгует. Заедает сладкой ягодой, закусывает крепкими яблочками.

Оттого и нрав у чуды-юды навродя коровьего – добрый и простой. Девок оно не лопает, казну у царей не ворует и податей с местного населения не требует. А любит оно, ребяташки, песни петь да разговоры разговаривать. Найдет какого встречного бусурманина-нехристя и починает его спрашивать о его бусурманской жизни и обычаях. А еще говорят, что по весне подается это чудо-юдо в нашу сторону. И селится все в местах навроде нашего: где речка есть и лесок сосновый, и места ягодные. Вот о запрошлый год земляника цвела-цвела, да с чего-то не уродилась. Не иначе, чудо-юдины проделки.

Взрослые хитро ухмыляются, а детишки жмутся, ежатся и про себя решают больше в лес ни ногой. Но до лето еще далеко, и к лету забудут они все свои зарок.

Как Змей великой опасности избежал

Как-то Змей и баба-Яга затеяли праздновать Ивана Купалу. Зашли поглубже в лес, чтобы бесстыжие девки и парни до них не добрались, нашли речушку малую, набрали хвороста; Змей пару раз огнем дыхнул – вот и горит красный костер.

Яга юбки подобрала и давай сигать. Высоко прыгает – Змею за ней не угнаться. А по старинной примете та девушка, которая ловчее всех через костер прыгнула, в этом году обязательно замуж выйдет.

Вот Яга притомилась, уселась у костра и давай местную нечисть перебирать, жениха выискивать. Ближе всех, конечно, Леший обитается. Но он грубый такой, мужиковатый, вечно шуточки дурацкие шутит да по лесу диким филином угукает. Не по нраву.

Водяной со всех сторон жених видный. У него и палаты каменные на дне озера выстроены, и водяных дев в услужении много – не придется Яге самой уху варить, и жемчуга

полные короба навалены. Но холодный он, склизкий весь – бррр... Как такого обнимать-миловать? Противно!

Кащей Бессмертный – вот мужчина хоть куда. Но у него свои матримониальные планы имеются. Он, вишь, все больше на Василис Прекрасных заглядывается, любит молоденьких, дурень древний.

А больше в округе мужчин и нету. Есть, конечно, Змей... Поглядела на него Яга заинтересованно. Он не богат, а, с другой стороны, не прихотлив: ягодами, орехами да грибами всю жизнь обходится. Опять же, на полгода улетает в теплые страны. Большая выгода: захотела – скаталась на нем в Индию или Египет, захотела – осталась дома и живешь вольно, сама себе хозяйка. Все больше эта идея бабе-Яге нравится. Уже и пальцы она загибать стала, змеевы преимущества считая. И стихи-то он ей рассказать может, и на спичках сплошная экономия получается, и ступу можно лишний раз не раскочегаривать, а на загривке змеином смотаться, куда надо. И, если что, местное население припугнуть всегда можно: против такого мужа никто бунтовать не осмелится.

А Змей мой в это время в речке выкупался, встряхнулся и круги над лесом нарезает – сушится. Спустился, чистый и довольный, смотрит – а Яга губки бантиком сложила, космы ладонью приглаживает и глазами то влево куда-то косит, то

прямо в его среднюю голову так и стреляет.

– Ты что, бабка, угорела, что ль? – спросил Змей участливо и помахал на старушку крылом. Да не угадал, всю золу из костра прям на нее и выпорхал.

Сидит Яга, чихает, плюется и думает: "Нет, видно некому в этом лесу девичью честь доверить! Зря только старалась, прыгала".

Змей и жара

Вообще-то Змей жару любил. Любил на солнышке поваляться, распластав крылья. Любил в полуденном лесу чернику собирать и протяжно вздыхать: "Ох, душно!" Любил с разбегу нырнуть в речку, всех водяниц распугав, и делать вид, что ловит рыбу. Хотя на что она ему, скользкая и невкусная?

А вот баба-яга жару не любила. У нее от жары в носу свербило, в спине скрючивало, и в локтях шелкало. И вообще потом глаза выедало. Скорее всего, все неприятности бабы-яги происходили от того, что и зимой, и летом, она ходила в од-

ной и той же овчинной длиннорунной кацавейке и валенках, под которые пододевала еще кальсоны с начесом и шерстяные носки для верности. Но сказать ей об этом Змей побаивался. У бабки водился в обиходе кремневый старинный пест пуда три весом. Когда бабка была в настроении, она перетирала пестом в огромной ступе корни и травы. Когда бабка ярилась, она вскакивала в ступу и, махая помелом, носилась по небу черным сполохом, прибывая пестом к земле встречных лосей, медведей и змеев. После хорошего удара можно было проваляться в беспмятстве несколько часов. А кто знает, что случится в эти несколько часов? Может, царская облава случится. Или, того хуже – Илья Муромец. Илью Змей уважал, хотя никогда не видел.

Бабу же ягу он и видел, и уважал. Поэтому, когда доводилось ему июльским знойным вечером сидеть у избышки на курьих ножках и потягивать брусничный чай, он поддакивал старухе и соглашался, что жара стоит страшная и не иначе, как конец света близко. Бабка согласно кивала, макала в жестяную кружку длинный нос, фыркала и прикусывала чай мелко наколотым сахаром. Сахар бабке приносили боярские женки – дуры, которые сами мужьев поедом ели, а потом за приворотным зельем в лес бегали.

Хорошо вечером в лесу! Тихо. Только кукушка иной раз голос подаст или волк пробежит, побрехивая, по следу шуст-

рого зайца. Бабе-яге жарко, а печь она все одно натопила, и баньку устроила – поджидает какого доброго молодца, надеется. А пока, за неимением человека, есть у нее Змей. Сидят они рядком, поругивают июльское безжалостное солнышко и тихо радуются лету.

Змей и этикет

Змеям положено быть вежливыми и галантными. У них в университете даже несколько дисциплин о хороших манерах было, из которых наиважнейшей считалось "Общение с дочерьми коронованных особ". Но попав в Россию, Змей быстро смекнул, что вежливость вежливости рознь. Одно дело, когда ты на высланном разноцветной арабской плиткой полу отвешиваешь глубокие поклоны испанской инфанте, и совсем другое, когда, разгонясь с лету, орешь встречной бабе-яге: "Привет, карга старая! Куда причепурилась?" И то, и другое – в высшей степени галантно, исходя из предложенных обстоятельств. Но спутать эти две ситуации нельзя никак.

Случилась как-то со Змеем по этому поводу закавыка. Попал он в калмыцкой степи на день рождение к хану Угэдею.

Его, как гостя дорогого и знатного, посадили на почетное место и поставили перед ним лакомство – башку баранью вареную. А надо вам сказать, есть эту башку положено не просто так, а с вывертом. Левый глаз съесть, причмокнуть, а правый подарить лучшему стрелку из лука. Ноздри выесть, а небо, самую ребристую часть, отдать искусной вышивальщице. И что-то там еще сделать с ушами, мозгом и языком. Змей, конечно, все эти премудрости в лучшем виде знал, но есть баранью башку ему страсть как не хотелось. Тем более, что он знал, что после башки поднесут ему еще кое-что, уж совсем не аппетитное. Что делать? Вот вы не знаете, а Змей враз догадался. Навел мороку и всем внушил, что пир к концу подошел и пора прощальную брагу пить. Ну, выпили и разъехались, да только морок – он не вечный, уже в пути у батыров животы подводить стало.

Долго еще потом ходили по степи слухи о жадном хане Угэдее, у которого четыреста гостей полночи пировали, а домой голодные и трезвые приехали. Погубил Змей репутацию Угэдея, совсем погубил.

Змей и луна

Сейчас август стоит, месяц, в который луна всего ближе к Земле подходит. И вот что я по этому поводу вспомнила.

Змей в астрономии не силен был, и отчего-то думал, что луна сделана из огромного куска швейцарского сыра – вон, даже дырки видны. Делают луну, вестимо, сыровары. Только они зачем-то закрывают часть луны темным покрывалом. Для красоты, что ли? И, действительно, выходило красиво, когда Змей летал ночами, оставляя тонкий серп месяца светить из-за левого крыла или из-за правого крыла, смотря как настроение выпадало.

Сыр Змей ел давно, еще когда в университете учился, в Альпах. Сыр ему не то, чтобы не нравился, но вызывал странное волнение в груди своим острым необычным запахом. Как-то становилось Змею тревожно и возникали в душе смутные предчувствия, как то случается на самой первой стадии влюбленности.

И вот давно уже жил Змей в земле русской, и о любви думать забыл, да захотелось ему вновь сердечное томление испытать. Сунулся туда-сюда – ни одной драконихи поблизости нет. К бабе-яге ходил за зельем каким подходящим – плюнула старуха, и помелом отходила. На молодых лесных веснянок положил было глаз Змей – вышли из леса строем лешие, вооруженные сажеными дубинами и пригрозили об-

ломать бока.

Змей, однако, не загрустил, а задумался. И придумал слетать к сырной луне и там нанюхаться вдосталь. Расправил крылья пошире и ввинтился алой стрелой в темное небо. Долго летел, ажно дух свело и пластины броневые инеем покрылись, а луна все такая же маленькая и далекая.

"Ишь ведь! – подумал Змей. – Должно, ошибся я. Так далеко ни один сыровар забраться не может. Видать, тут какая-то загадка" – да и вернулся обратно в лес. Там встретил соловыху, и как уже описано, влюбился безответно и навсегда.

Про Луну же потом прояснилось, лет через сто, когда встретил он в чудном городе Праге славного механика Кеплера и разговорился с ним об устройстве небесных тел. Все оказалось так просто, что Змей даже всплакнул от досады, что сам не догадался.

Баба-яга и без Змея не плоха

Перестали как-то раз к бабе-яге боярские женки-дуры бе-

гать за зельем приворотным да сглазом. Месяц не бегают, два не бегают, три не бегают. Не осталось в избушке на курьих ножках ни кусочка сахара, ни пряника печатного, ни варенья киевского. Осерчала старуха да и подалась в город – смотреть, в чем дело. Волосы пригладила, платок почище навязала, ступу с помелом у дороги припрятала, и пошла через самую главную заставу. Сперва по обочине грязной дороги шлепала, потом по мостовой пошла. Старуха выносливая, жилистая, закаленная лесной жизнью, идет споро, вот уже и до главного прешпекта дошла. А там, посередь громадной площади на тумбе под самым фонарем висит яркая афиша:

"Мадам Зулейка!

Вновь обретенная дочь четвертого далай-ламы!

Обладательница чарующего дара гипноза!

Помощь в сердечных делах, снятие черной волшбы, белая магия, взгляд в будущее и проч.!

Только на этой неделе!

Каждой даме подарок – восхитительный амулет, привлекающий мужские сердца!

Торопитесь!"

Крякнула баба-яга и пошла дальше. Шагов через двести другая афишка висит. Какого-то господина Влада пропагандирует, властелина гомункулусов. Потом еще всемирно известная целительница синьора Инес из Кордобы, белая цыганка Ляля, месье Шарлемань из самого Парижа и Третий глаз, вождь маниоков из Северных Американских Штатов.

Бабе-яге аж поплохело от такой конкуренции. Вернулась она домой, печку жарко вытопила, в баньке напарилась, собрала серебрянные рублевики из заначки да и заявила в самую желтую городскую газету. Принесла свое объявление:

"Чего стоят лже-колдуны и ворожеи, которых вы можете найти в ближайшем доходном доме?"

Не пора ли вернуться к чистым истокам исконно русской ворожбы!

Представляем! Впервые! Несравненная баба-яга проводит рекламную акцию!

Всем прочитавшим эту статью девицам и дамам – совер-

шенно бесплатно чирей на носу! Кавалерам – денежный интерес в казенном доме и дальняя дорога в перспективе!

За дальнейшими разъяснениями обращаться в лес, третья тропинка после Медвежьего оврага, у сухого дуба налево, а там укажет черный кот!

Посетители принимаются с 2 до 8 часов вечера.

Стоимость консультации – 3 рубля серебром или 10 рублей ассигнациями!"

Посмеялся редактор, да денежки принял и объявление напечатал. Назавтра же к нему заявился цензор, обнаруживший в издании не подлежащие печати слова и закрыл газетку. Выбежал редактор на улицу, в горести заламывая руки, – а там все дамы и девицы плотно лица вуалями занавесили. Понял сметливый господин, в чем заковыка, собрал денежки да и двинул к Медвежьему оврагу.

Да братцы, эффективная реклама и маркетинг еще никому не мешали.

А баба-яга и вовсе не у оврага жила, вовсе она за Кузькиным болотом обреталась. Что она вам, дура, в таком деле свой настоящий адрес выбалтывать? Чай изба на курьих

ногах не развалится пару-тройку верст в сторону отойти на время приемных часов.

Змеиная осень

Змей в конце августа начинал беспокоиться. Начинал ежиться по ночам, принюхиваться к утреннему свежему ветру и заводить разговоры с перелетными птицами. А уж на последней неделе всегда неожиданно срывался, не прощаясь даже с бабой-ягой и местными медведями, и летел в Украину. Там еще было тепло и уже были арбузы и дыни. Правда, приходилось много сил тратить на морок и представляться всем захожим добрым молодцем. Зато можно было танцевать гопака и играть на бандуре. Слуха, правду сказать, у Змея не было. Но был ражий голосина и залихватская манера бить всей пятерней по струнам. За синие пронзительные глаза, а еще пуще – за бычью шею и саженные плечи прощали гарные дивчины и парубки Змею петушинные ноты. Только какая-нибудь старуха останавливалась в саду с подолом, полным огурцов, и говорила:

– Вот ведь ревет, вражина! Точно хряк, когда его холостят.

Но Змей этих обидных слов не слышал, потому – разве услышишь что, когда глотка во всю ширь раззявлена? Но к середине октября его вновь охватывало беспокойство и, не дожидаясь затяжных дождей, подавался он снова в южную сторону и уж летел, не останавливаясь, до самого Египту, или каких еще магрибских стран, а то и в Индию.

Но все равно за те недолгие стремительно холодеющие ночи, что проводил он в августе в русской стороне, успевал Змей наполниться острой немолкнушей тоской, которая преследовала его и в вольных украинских степях, и у разлива Нила, и в джунглях, и стихала только следующей весной, едва замечал он своим острым глазам знакомый ельник, да частый березник, да рябинку с ольхой, да речку-невеличку, да покосившиеся избенки небогатой деревни.

Шелковица

Прослышал как-то Змей от перелетных птиц, что есть такие горы – Кавказ, а за горами этими чудесные сады и растут в них очень вкусные фрукты – персики, абрикосы, гранаты, а главное – инжир и шелковица. Никогда еще Змей шелковицы не едал, и одолело его любопытство.

Поднялся он на крыло, перелетел горы, по дороге пробовал с орлами разговаривать. Орлы гордые – клекотали что-то непонятное и отворачивались. Как пониже спустился, ласточки и сойки объяснили ему, что народ живет здесь тоже гордый, но щедрый. А змеев тут отродясь не видывали. Потому что в древние времена всех змеев отсюда дэвы выгнали – племя неуживчивое и драчливое.

Так что грянулся Змей о землю (земля оказалась очень жесткая) и оборотился добрым молодцем. Да неудачно как-то оборотился – в портах, косоворотке и лаптях с онучами. Стоит посреди села местного и страсть как выбивается своим видом из общей картины. Народ набежал, рассматривает, переговаривается. А Змей потихоньку слова незнакомые разбирает и в смысл вдумывается. Тут старики подошли, на палки оперлись и внимательно на Змея воззрились. Смотрели минут пятнадцать, наконец самый сухонький вышел вперед и сказал:

– Не обманешь ты моего острого взгляда, змей заморский. Вижу, как ты хитрым глазом на овец наших засматриваешься и дым из ноздрей пускаешь. – А Змей вовсе не на овец засматривался, Змей на садик, который над овцами рос, засмотрелся – там тебе и тутовое дерево, и ореховое, и смоковница – полное изобилие.

– Слышал я дедушка, что вы народ гордый, но щедрый. Не выделишь ли мне, пришлому змею, корзину-другую шелковицы, ягоды сладкой и сочной? А я вам за то что хошь сделаю.

Удивились старики, что пришлый змей в лаптях да онучах так складно на их языке говорит. А еще пуще удивились, что требует он не скотину, а ягоду. Подрядили Змея на работу. Три недели он горную дорогу от завала расчищал, да на новом поле пни корчевал. За то наелся всяких плодов от пуза. По вечерам сидел со стариками на краю села и рассказывал им истории о Турции, о Египте, о русской стороне, о дивном и странном Китае. Очень старики полюбили Змея. Не хотели отпускать. Потому что поняли – змеи, они гораздо приятней дэвов, племени неживчивого и драчливого.

Змей и Гарун-аль-Рашид

Змей любил бродить по базарам. На базаре всегда можно услышать много интересного, а иногда и прикупить чего-нибудь полезного. А в славном городе Багдаде был знаменитый базар! Но не пойдешь же на такой базар в образе какого-ни-

будь бедняка залатанного? Так что грянулся Змей о землю и оборотился самим Гаруном-аль-Рашидом.

Идет по базару, ласково встречным улыбается, а те, зная причуды своего повелителя, изо всех сил делают вид, что не узнают его.

Подходит Змей к ювелирным рядам, а там переполох. Старый горбун-меняла обедал, да и подавился рыбной костью. Покраснел весь, хрипит, задыхается – а помочь ему никто не может. Змей схватил из рядов серебряную сережку, отцепил от нее подвеску с сердоликами, а крючок на шелковый шнур приладил, раззявил рот горбуну левой рукой, правой примерился, подцепил кость крючком и одним махом ее вытащил. Горбун откашлялся, халат оправил, да и пошел назад в свою меняльную лавку, будто так и надо.

Дальше идет Змей, подходит к шатру, в котором продают невольниц. И видит – один работороговец выставил на продажу двух красавиц. Одна чуть похуже, но стоит тысячу золотых. Вторая – луноликая прелестница, а стоит только сотню.

– В чем дело? В чем разница? – интересуется Змей.

– А разницы между нами всего одна ночь, – отвечает вторая красавица. – Но для нее эта ночь пройдет, а красота моя

останется прежней еще долгие ночи.

– Однако сказано в Книге, что в одну ночь решатся судьбы всех людей на земле, – говорит первая дева.

– Сколь вы умны! – воскликнул Змей. – Будь моя воля, я бы за каждую из вас отдал не тысячу, а десять тысяч золотых! – и пошел себе дальше. А в это время рядом крутился старший евнух дворцового гарема и сразу выложил за красавиц просимую сумму, да еще и прибавил.

Вечереет уже. Остановился Змей рядом с уличным сказителем, а тот как раз сказку закончил, медяки собрал и принялся складывать свой коврик.

– Постой, добрый человек! – воскликнул Змей. – Скажи, а не знаешь ли ты сказки про Алладдина, сына Али аль-Маруфа, жившего в далеком Китае?

– Нет, – буркнул раздосадованный сказитель, поднял глаза – а там халиф ему загадочно улыбается.

– Как? Ты не знаешь сказку о том самом Алладдине, который повелевал джином – рабом лампы и джином – рабом кольца?

– Нет, – шепчет сказитель и покрывается холодным потом.

– Как? Ты не знаешь сказки о том Алладдине, который за одну ночь построил дворец из мрамора, рубинов и яхонтов, и оставил одну решетку на окне не законченной, и всех сокровищ султана той земли не достало доделать эту решетку?

– Нет, – сказитель еле жив от страха.

– Значит ты не знаешь сказку об Алладдине, которого трижды обманывал магрибский волшебник, но который все равно победил и женился на прекрасной, но глупой царевне Будур, – закончил Змей и пошел с базара прочь.

А сказитель, довольный, что избег царского гнева, поспешил домой и в голове его начала складываться новая дивная история.

А с Гаруном-аль-Рашидом в тот день ничего особенного не случилось. Правду сказать, он просидел безвылазно весь день в своей опочивальне, ибо страшно маялся животом, объевшись накануне переспелой хурмой.

Змей и Чурило

В древние былинные времена была богата Русь-матушка на всякие дивы-дивные. Наипервейшее из них, конечно, змеи всяко-разны. Но были чудеса, хоть и поменьше, но не менее удивительные.

Лежал как-то Змей посередь дороги из городу Чернигова в город Киев. Хотел, вишь, изловить Соловья-разбойника, чтобы тот его свистать научил. Но поскольку Соловей незадолго до тех событий повстречался с Илюшей Муромцем, со Змеем увидеться была ему не судьба. Так бы и пролежал Змей напрасно, пуганув, для удовольствия, пару-тройку крестьянских обозов с зерном, салом, медом и воском, да наехала вдруг на Змея дружина.

Наехала с посвистом и покриком, а впереди всех добрый молодец на вороном коне. Брови у молодца соболю, губы алые, румянец на всю щеку, кудри вороные из-под шапки, куницей подбитой, вырываются.

Змей приподнялся, повел крыльями, приосанился и приготавлился вести учтивую беседу. Как-никак, в дружине было не меньше тридцати всдников, да все с копьями, с луками, да с булавами.

– Ты кто таков будешь, добрый молодец, и по какой надобности едешь в Киев? – дружелюбно сказал Змей средней головой. Левая голова в это время состроила рожу какому-то ушастому дружиннику, а правая обдумывала удобные пути отступления.

– Я Чурило Плёнкович, славный богатырь, еду в город Киев наниматься на службу к князю Владимиру.

– А что ты умеешь, Чурило свет Плёнкович? – продолжает выпрашивать средняя голова.

– Я молодец всем хороший, славный силой и умениями разными, а тем паче красотой своей. Сам не видишь, что ли: брови у меня соболю, губы алые, румянец на всю щеку, кудри вороные из-под шапки, куницей подбитой, вырываются.

– Да как не видеть, – усмехнулся Змей, – А чем подивить думаешь князя Владимира? Он, сказывают, привередлив. У него, сказывают, богатырей пруд пруди, девать некуда.

– А вот забью тебя, змей поганый, да князю башку твою и подарю. – И как шарахнет булавой Змею прямо в среднюю голову.

Левая голова тотчас на себя управление перехватила и

дыхнула дымом ядовитым, так что даже кони под всадниками чихать почали. В это время правая голова подала сигнал крыльям и взмыл Змей стрелой над дорогой. Тут и средняя очухалась и сказала укоризненно:

– Не бывать тебе, Чурило, в славе-доблести. Нет в тебе благородства высокого, не знаешь ты, как честный бой вести следует. И вам, дружинушка хоробрая, стыдно должно быть втридцатиром на одного нападать!

Сплюнул Змей в досаде и улетел, куда глаза глядят. А левая голова на прощанье показала Чуриле язык.

Надо сказать напоследок, Змей оказался прав. Ничем особым Чурило не прославился. Разве тем, что на его красоту засмотревшись, княгиня себе ручку столовым ножом порезала, а князь шибко взревновал.

Ночь на Васильев день

В ночь на Васильев день с русскими людьми случаются разные дивные дива. Так повелось издавна, и не нам этот порядок нарушать. И уж, тем более, не Змею, который хотя

и не зимовал на русской земле, но всегда носил Россию с собой, за пазухой, в самом укромном месте за броневыми грудными пластинами.

И вот как-то аккурат в ночь на Васильев день сидел Змей на берегу великой реки Ганга и переругивался с местными крокодилами. Крокодилы его вегетарианцем недоделанным да жвачным драконом костерили, а он пенял, что не хватает им ума даже вторую голову отрастить, не то, что три, и насмехался, что всю жизнь они по грязи ползают да хвостами елозят, и ведать не ведают, каково это – парить в чистом небушке.

Как вдруг джунгли распахнулись и явилась оттуда дева дивной красоты, одетая в простенькое сари и босоногая. В руке она держала маленькую площадку, из которой раздавался явственный аромат поташа. Не обращая внимания на раззявивших от восхищения пасти крокодилов, дева вошла в воду, натерлась поташем и окунулась в воды Ганга один раз. Поднялась – а на ней уже шелковое сари, расшитое золотыми нитями. Окунулась в воды Ганга второй раз – на руках и ногах заблестели изукрашенные самоцветами браслеты. А третий раз окунаться не стала и ушла себе тихо обратно в джунгли.

– Что ж она третий раз не окунулась? – изумился Змей.

Крокодилы зашлись смехом.

– Если б она окунулась третий раз, все бы тело ее покрыли язвы и стала бы она страшной уродиной, – объяснили они. – Ибо это великий урок, который благодатная богиня Манипадама дает всем стремящимся к просветлению. Не гонись за многим, ибо и многое, и малое, и то, что дается, и то, что отбирается, – не что иное, как обманы чувственного мира, и надлежит их презреть и отринуть.

– Так если все – лишь обманы, почему бы ей не окунуться и в третий раз, – спросил Змей. – Ибо, если золото было лишь иллюзией, то такой же иллюзией будут и язвы, а и то, и другое должны быть равно противны постигнутому истинное знание.

И случилось чудо на великой реке Ганге в ночь на Васильев день – крокодилы захлопнули пасти и уплыли прочь. А Змей вдоволь накупался, окунувшись трижды тридцать раз, а потом до рассвета хрупал папайей и думал об иллюзорности мира.

Драконьи байки

Долгими зимними вечерами в драконьей академии высоко в горах в Альпах полагалось усердно учиться. Но, конечно, никто не учился. Молодые драконы собирались в кружок, похрустывали хорошо зажаренными в собственном огне овечьими ребрышками и травили байки. Баяк этих было великое множество, и всех Змей даже упомнить не мог. Вот некоторые из них.

Говорят, высоко на Памире живет прекрасная голубая дракониха. Говорят, одного взгляда на ее алмазную улыбку достаточно, чтобы потерял голову самый солидный и толстошкурый дракон. Говорят, отдала она когда-то свое сердце великому змею, которого коварным способом убил Персей, и который после смерти превратился в созвездие и живет теперь на небе. И с тех пор никто не может утешить ее разбитое сердце. Говорят, дни и ночи она оплакивает своего возлюбленного и вместо слез катятся из ее глаз жемчужины размером с куриное яйцо.

А еще говорят, что в каждом драконьем поколении появляется на свет неразменная принцесса. И стоит только ухитриться один раз ее украсть, как безутешный отец начнет платить за нее выкуп за выкупом, а принцесса после обмена будет каждый раз возвращаться к счастливому дракону.

Со страхом передают драконы еще байку о золотой чаше – пропадушине. Дескать такая себе чашечка золотая, вполне обычная на вид, но стоит ей попасть в драконью сокровищницу, как начинает она высасывать золото, и что ни день, все быстрее. До тех пор, пока ни монетки не останется. А потом и сама исчезает чудесным образом.

Ходит среди драконов также легенда о драконе-Робин Гуде, который с риском для жизни похищает принцев, отстаивает их в битвах с великими рыцарями, а потом, когда приходит пора для выкупа, великодушно отдает ее бедному дракону. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что точно такая же байка ходит среди прекрасных принцев. Только по их версии дракон похищает принцесс у состоятельных отцов и раздает их безземельным принцам.

В общем, было о чем побеседовать студентам долгими зимними вечерами. Змею эти посиделки очень нравились, куда больше, чем нудные лекции и сложные практические занятия.

О крыжовнике, пряниках и подлинности

Этим летом у дачников крыжовника уродилось страсть,

как много. Прямо не знают, что с ним делать: и варенье варили, и с сахаром перетирали, и мариновали, а он все не кончается. Поэтому, когда заглядывал к ним в гости молодой синеглазый сосед, они с удовольствием после приятной беседы предлагали ему полакомиться ягодами. А может и не сосед то был, может, встречались с ним у речки на купаньи или у разъездной лавки, когда хлеб и молоко покупали? – вроде, знакомец. И знакомец не стесняясь подходил к развесистому кусту и споро принимался отправлять в рот ягоды, так что в полчаса очищал куст полностью.

В общем, Змей объелся крыжовника. А надо вам сказать, что расстройство желудка у змеев сопровождается весьма неприятными симптомами. Во-первых, змеи теряют способность к трансформации и временно остаются в том образе, в который перекинулись. Во-вторых, часа четыре у них крутит живот и внутри весьма громко булькает. А в-третьих, под конец вырабатывается крайне опасный газ, который, вырываясь из тела змея взрывается и вспыхивает зеленым пламенем, что по нынешним временам небезопасно и чревато разоблачением.

Так что Змей перепугался и решил податься к бабе-яге за помощью. Купил в местной лавке пару пакетов пряников, сел на электричку и поехал на самую конечную станцию, потом еще по лесу часа полтора бежал со всех ног, пугая буль-

каньем встречных лосей и зайцев. Наконец добежал.

Баба-яга была женщиной современных взглядов и жила в симпатичном домике, построенном по финской технологии. У бабы-яги в подвале стоял электрогенератор, паровой котел и бильярд. Баба-яга вела блог в интернете, посвященный моде, слыла в этом деле экспертом и безжалостно троллила девушек, носивших бежевые колготки с искрой. Но пряники баба-яга любила. Напоив щедро Змея отваром любистока и семян укропа, надкусила она пряник, да вдруг задумалась.

Потом взяла пакет в руки и, вздев на длинный нос очки, принялась изучать надписи на нем.

– Мука пшеничная, – бормотала она, – порошок яичный, маргарин, мёд искусственный... Мёд искусственный! – зыркнула на Змея хитрым взглядом и добавила, – мед искусственный, и вкус не настоящий. Не пряничный вкус.

И Змей застыдился так, как будто это он ненастоящий мёд в пряники положил. Хотя он-то виноват был только в том, что крыжовника объелся.

Нелегкая участь нечисти

Разумные люди постоянно мне пеняют на то, что я сочиняю истории о нечисти.

– Подумай сама, – говорят мне разумные люди. – Зачем в наш век гаджетов и интернета связывать свою судьбу со старомодными лешими да русалками? Современные дети в них не верят. Современные дети живут в многоэтажных домах, природу видят только в фильмах про хоббитов, и то новозеландскую. У них нет под боком печки, где могла бы домовушка греться, рощицы, в которой мог бы притаиться леший, озера, где плескались бы водяницы, или болота – обиталища кикиморы. Написала бы ты лучше историю, как мальчик Потап и девочка Фекла попали внутрь ай-фона и через вотс-ап с главным демоном цифрового мира связь наладили.

Правду говорят разумные люди. Конечно, сказка про ай-фон куда бы завлекательней получилась. Да о чем говорить, если даже сам водяной камерой для подводных съемок разжился, а современные бабы-еги в интернете себе рецепты новых зелий выискивают! Лешие заделались ландшафтными дизайнерами и за высокими заборами создают приусадебные парки немыслимой красоты. Тонкие до прозрачности водяницы на высоченных каблуках шествуют по подиумам Парижа, Токио и Милана. А кикиморы чуток причесались, места ми остриглись и оказались андрогинными созданиями, про

которые никто сказать не может – мальчики они или девочки. Вытащили из древних укладок золотишко, приобрели самолучшие гитары, фоно и духовые и создали группу альтернативного рока. Назвали "Пара пышек", хотя пышками там и не пахнет.

Один Змей все еще по привычке прячется по лесам, да ягодами питается. Но уже с ужасом предвижу я, как перекинется он в синеглазого профессора филологии и примется по салонам рассуждать об ущербности и вторичности русского фольклора. С него станется!

Змей на битве

Змей, вообще и в частности, был пацифистом. Еще в академии он отчаянно зевал на семинарах по тактике и стратегии, а уж практические занятия по столь любимым молодыми драконами хвостобиению, запусканию когтей и пылканью огнем беззаботно прогуливал. Во взрослой же жизни битв чуждался и даже, можно сказать, всеми силами избегал.

Но случилась и с ним закавыка. Произошло это в ту пору, когда влюбился он без памяти во всех соловьих, а так как не мог соревноваться с соловьями в пении, решил покорить

сердца сереньких красавиц рыцарским поведением. Засел за книги и выяснил, что рыцари относились к дамам галантно. Но галантностей его соловыхи почему-то не замечали, а, наоборот, попискивали неодобрительно и косились сердито. Тогда Змей решил копнуть глубже и выяснил, что дамам сердца очень нравится, когда рыцарь вызывает кого-нибудь на поединок и побеждает его в честном бою.

Кого же вызвать? Леших? Лешие при драках привыкли орудовать здоровенными суковатыми дубинами, что Змею не нравилось. Можно было, конечно, ввиду деревянной сущности леших, попалить их огнем, но смутно подозревал Змей, что такой бой никак не может быть признан честным.

Водяного? Так утечет же, сукин сын, сквозь лапы в ближайшее озеро.

Бабу-ягу вызывать нельзя, хотя она и была бы достойным противником – рыцари с женщинами не дерутся.

Кощей! Вот славный поединщик!

И полетел Змей в тридевятое царство.

Прилетевши, с удовлетворением огладел настоящий семибашенный замок, в котором жил бессмертный старик, и

постучал в кованные железом ворота. Кощей, в парчовом халате и турецких, шитых золотом, туфлях вышел на стук и вопросительно посмотрел на Змея.

– Желая биться-рататься во славу соловьих! – заявил тот гордо.

Старик, по-прежнему молча, скрылся в воротах и появился через полчаса, уже закованный в латы, сработанные оружейниками славного города Толедо, в шишаке, украшенном страусиными перьями, вооруженный копьем, мечом и булавой.

– Если я правильно понял, – вежливым ехидным голосом сказал Кощей, – вы, молодой человек, вызвали меня на битву?

– Да, – не сробел Змей.

– Тогда, по всем правилам рыцарского кодекса, мне полагается выбрать оружие и нанести первый удар, – заявил Кощей.

– Наверное так, – смутился Змей, с опаской поглядывая на острый наконечник копья.

– Не собираюсь вас обманывать, молодой человек, никаким способом в этом поединке вы одолеть меня не сможете. Смерть моя, как известно, таится на конце иглы, а игла та в яйце, а яйцо в утке, а утка в зайце, а заяц в сундуке. И висит тот сундук на вершине высокого дыба, а дуб тот я пушце собственного глаза стерегу, – с явным удовольствием процитировал Кощей.

Змей от такого обилия информации совсем потерялся.

– Так как я был с Вами откровенен, молодой человек, – продолжал хитроумный старик, – ответьте и вы мне по правде-совести, где Ваша смерть обретается.

И тут Змей сел. Такого вопроса он никак предположить не мог и ответа на него не знал. "Может, – подумал он, – смерть моя тоже в яйце? Ведь когда-то и я весь был в яйце, возможно, я вылупился, а она в скорлупе осталась?"

"Или, – продолжал он, – таится моя гибель в землянике-ягоде, потому что я смерть, как ее люблю?"

Кощей, опершись на булаву, смотрел на задумавшегося Змея и мысленно подхихикивал. Потом улыбнулся неожиданно доброй и дружеской улыбкой и сказал:

– А пойдёте-ка, молодой человек, чай пить с малиновым вареньем?

– А земляничное есть?

– Есть и земляничное. Даже заморский джем есть, – ответил Кощей, раскрыл ворота пошире, чтоб пролезло обширное тело Змея, и они вдвоем уселись на просторной террасе наблюдать закат и беседовать о любви.

Проигрыш

Один злой магрибский колдун – а добрых магрибских колдунов отродясь не бывало – любил заманивать к себе в гости симпатичных прохожих юношей, зачаровывать их и продавать в рабство одному абиссинскому царьку. Уж на что они были нужны царьку – не знаю, а врать не хочу, только бизнес был налажен прибыльный и бесперебойный. Однако, как известно, и на старуху бывает проруха. Рухнул бизнес в одночасье и самым позорным образом.

Как-то раз присмотрел себе колдун на базаре в Танжере симпатичного парня. Парень был редкостной стати – высокий, стройный, плечистый, да к тому же синеглазый. Зама-

нил его к себе чародей, опоил кофе с горькими травами, обкормил шербетом с сонным зельем. А как упал юноша без памяти, утащил его в подземелье, где за коваными решетками томилось еще человек пять.

Поутру юноша проснулся от того, что по носу ему елозит мышиный хвостик. Был, видно, юноша и вправду неробкого десятка, поскольку не завизжал, а взял мышонка за тельце аккуратно двумя пальцами и принялся рассматривать.

– Куда ж это меня угораздило попасть, – спросил мышонка парень и улыбнулся, точно солнышко, ласково.

Мышонок что-то пропищал в ответ.

– И кто же меня сюда засадил? – так же ласково продолжал спрашивать юноша.

Мышонок снова пискнул.

– Ах вот как? – улыбнулся парень во все тридцать два зуба, и из ноздрей у него закурился дымок. – Беги-ка ты отсюда, малыш, побыстрее, и родню с собой забирай.

И тут все проходившие мимо дома злого магрибского колдуна увидели дивное – стайка мышей бросилась врассыпную

изо всех щелей, потом дом покачнулся, оторвался от земли и рухнул на бок. А из-под земли, шурясь на утреннее солнце, вышли пять юношей и один змей, пока еще не очень большой, но стремительно увеличивающийся в размерах.

Змей даже и говорить с колдуном не стал, просто подцепил его лапой и унес далеко в синий океан. И с тех пор стало на магрибской земле одним злым колдуном меньше.

Да, а богатство его досталось в наследство немного глупому, зато добросердечному сыну его младшего брата Али. И тот, как и следует, проиграл несправедливо нажитое золото в кости.

Прямоезжая дорога

Змей, хоть умел летать, и умел превосходно, по молодости лет любил путешествовать пешком, перекинувшись добрым молодцем. Нравилось ему идти по дороге, широко переставляя плотные человеческие ноги, одетые в лапти и завернутые в онучи, нравилось мочить голову дождем и сушить солнышком, нравилось встречать широкой грудью порывы ветра. А шибче всего ему нравилось разговаривать со встречными и попутными людьми.

И вот как-то (давно это было!) пошел Змей из города Чернигова в город Киев. Но нет что-то попутчиков у Змея, хоть идет он по самой короткой, прямоезжей дороге. Да и дорога что-то плоха. Заросла дорога травой-муравой, там и тут взрыхлили ее корни деревьев, скоро совсем нехужалой станет дорога. Да Змею-то что? Он идет, птичкам радуется, округ дороги малину собирает и в рот отправляет.

И тут, совершенно неожиданно, Змея принялись грабить. То есть сначала он услышал разбойничий посвист, а потом с дуба на него сиганул невысокий крепкий человек с длинным кривым кинжалом. Змей, конечно, не струсил. Чего ему трусить, если в любой момент он свой настоящий облик принять может? Опять же богатств у него никаких не водилось, только крест оловянный висел на шее, и тот не настоящий, видимость одна для конспирации.

А невысокий человек с кинжалом насадет и требует золота.

– Так нет у меня золота, дяденька, – ласково говорит Змей. – Вот, есть малины туесок, угощайся.

– Да мне твоя малина, – рычит невысокий, – ты что, не знаешь, кто я таков?

– Откуда ж? – простодушно отвечает Змей.

– Да я – сам знаменитый Соловей-разбойник. Из-за меня прямоезжая дорожка в Киев-град заколодела да замуравела. Я тут всех купцов, крестьян, и просто честных людей распугал.

– Значит, дяденька разбойник, грабить тут тебе, окромя меня, и некого? – интересуется Змей.

– Некого, – признается Соловей.

– А и с меня ничего, кроме онучей да рубахи ношеной, не снять, – продолжает Змей.

Разбойник только вздыхает.

– Вот и выходит, дяденька, что ты болван.

Соловей, конечно, опять за нож хватается, да куды там – перед ним уже горой трехголовый Змей стоит и легонько когтем его отодвигает. Однако разбойник, хоть и невысок, не робкого десятка оказался.

– Что ж это я болван?

– А то, – отвечает Змей, – что так разбойничая, дождешься ты бесславного конца. Шел бы лучше хоть дудочником к князю Владимиру, потому свистишь ты знатно.

Соловей-разбойник насупился и гордо сказал:

– История нас рассудит!

На том и расстались. И, что интересно, правы оказались оба: история их рассудила, а Соловей-разбойник плохо кончил.

Змей и люди

Как-то в аэропорту, стояла я в очереди к стойке регистрации, и наблюдала за пассажирами. Редко кто из них ехал налегке, так же, как и я, ограничиваясь небольшим чемоданом. Нет, каждый вез с собой значительный кусок своей жизни. В высоких, туго набитых баулах аккуратно сложены были не только необходимые им на отдыхе купальники, легкие платья и шорты с майками, но и вечерние шелковые платья, туфли на каблуках, несколько сумочек, пара флаконов духов – утренних и вечерних, много баночек с кремами,

лосьонами, мицелярной водой и сыворотками, депилятор, бритва, ласты, маска, пара фотоаппаратов (один для мужа, и один для жены), пара планшетов (по той же причине), куча различных зарядок, походная аптечка, палка твердокопченной колбасы, пакеты с чипсами и сухариками (на случай, если оголодают в пути)... А если пара везла с собой детей, то ко всему дополнялся еще запас памперсов, коляска, поилка, множество игрушек и развивашек и всякая другая рухлядь, названия которой я не знаю.

И медленно продвигаясь в очереди, я задумалась о том, как люди похожи на драконов. Как привязаны они к вещам и как уверены, что без вещей этих жизнь их невозможна. Вот так же и великие змеи стяжают себе груды золота и прочих драгоценностей. Разница только в том, что драконы совершенно не способны пускать свои богатства в оборот, а предпочитают просто лежать на них и любоваться ими. Впрочем, тому есть простое объяснение: они ведут себя точь-в-точь, как коллекционеры. И уж поверьте, любой уважающий себя дракон, знает о каждой собранной монетке ничуть не меньше, чем знает о каждой своей марке филателист.

Посидите-ка с ними как-нибудь долгим июньским вечером и порасспрашивайте их с пристрастием.

– Вот этот дублон, – сладострастно будут вспоминать

они, – долгое время принадлежал семейству купцов Ортега-и-Рамос и многократно пускался ими в рост и так же многократно возвращался к ним. Покрыт он и потом знатных повес, и слезами вдов, и туком монахов, и вином, и кровью. Ах, – присвистнет дракон, выпуская облачко дыма из ноздрей, – как сладко он пахнет!

И так змей расскажет вам о каждой чаше, и о каждом ожерельи, попавшем в его лапы.

Но есть, есть и среди людей, и среди драконов исключения! Встречаются существа, которые равнодушны к материальным благам, и бродят по белу свету, как перекасти-поле, не заводя нигде жилья надолго, с одной котомкой за плечами. К таким-то безалаберным непоседам и относится мой Змей. Правда, он привязывается к отдельным местам, и часто возвращается в какую-нибудь приглянувшуюся ему рощицу, или к развалинам старинного индийского города, поглощенным джунглями, или на отдаленные горные склоны, поросшие кизилом. Но ничего из всех этих мест он с собою не забирает, кроме сладких воспоминаний. Нет у моего Змея даже завалящего колечка, которое бы он носил на ногте мизинца в память о любовном приключении.

Ну, скажете вы, все любви Змея мы наперечет знаем, некому там было ему кольца раздаривать. И ошибетесь. Змей

живет очень долго, и при всем моем старании, я никак не могла бы вам рассказать все его приключения. А дело было так. Как-то раз обернулся Змей добрым молодцем и пошел в город Псков людей поглядеть, себя показать. И так он на ярмарке расхотелся, так азартно торговался с купцами, так приплясывал под балалайку, так храбро бился в сражении за снежную крепость, что положила на него глаз молодая купеческая жена Алена Марковна. Подослала она к Змею свою нянюшку, и та нашептала синеглазому красавцу, чтобы приходил он, как стемнеет, через тайный лаз во флигелек заветный, а там узнает, чего будет. Змей мой, на редкость любопытный, а часто еще через это свое любопытство крайне неосторожный, пошел, как было сказано, во флигель. А там – тьфу, что за напасть! – никакого интереса нету. Накрыт там стол со сладкими наливочками да пирогами, и сидит разряженная, точно свекла, пышная бабища и поводит наведенными сурьмой бровями. Змей не первый век на русской земле живет, знает, что таким бабищам надобно. Но виду не показывает, наливочки пьет, пирогами закусывает, да потихоньку мороку и напускает. И вот кажется купеческой жене Алене Марковне, что заезжий красавец жмет ей ручку белую, да целует в уста сахарные, да шепчет слова нежные, да ведет на перины пуховые. В общем все тридцать три удовольствия привиделись ей, пока Змей, чертыхаясь про себя, гипнозом оперировал. И так растаяла Алена Марковна, что не пожалела и сняла со своего среднего пальца кольцо золо-

тое с редким камнем – аквамарином, да и подарила другу любезному. Только Змей, выбравшись из флигеля, зашвырнул то кольцо в ближайшие лопухи.

Так и остался он гол, как сокол. Ну, да не богатствами своими он нам мил.

Змей и лаймы

Змей, как повадился в Индии зимовать, так прирастил-ся к цитрусовым. Любил высасывать сладкий сок да шкурками поплевывать. Только было у него странное предубеждение против лаймов. Вот, знаете, как некоторые люди брезгуют персики и абрикосы есть – говорят, что они мохнатые, точно мыши? Вот так и Змей брезговал лаймами. То ли лягушек они ему напоминали, то ли яйца драконьи новоотложенные, уж и не знаю. Да только лет двести обходил Змей лаймовые кусты ароматные стороной.

И, как обычно, приключилась с ним история. Вздумал он лететь в Индию не обычным путем, а через Гималаи. Погляжу, – решил, – каковы таковы великие горы. Ну и, конечно, от высоты и разряженного воздуха, а пуще того от ледяного ветра, заболел. Приземлился в своих джунглях совсем раз-

битый, с носами, полными соплей, заложенными горлами, и даже чуть ли не с галлюцинациями, особенно в левой голове. Лежит посреди зарослей и горестно вздыхает. Тут, конечно, набежали обезьяны, которым до всего в джунглях дело есть. И лопочут по-своему, по-обезьянью, – "Лаймов ему надо, от лаймового духа ноздри прочистятся, а горло саднить перестанет". Змей головы поднял – прислушивается. Из разнообразных встреч с бабами-егами и их лекарствами, уяснил он только одно – всякое зелье целебное страсть какое горькое и неприятное. Стало быть, лаймовый сок (от мыслей о такой гадости у него даже в головах прояснело) может и помочь.

Но где его возьмешь, сок этот? А тут, лопочут обезьяны, тут поблизости в одном из селений склад богатого купца, который самого раджу снабжает, там у него этих лаймов полный сарай заготовлен.

Тяжко Змею, а делать нечего – долетел кое-как до селенья, едва-едва совладав перекинулся посланцем султановым, прибывшим на инспекцию. Купец старается, все амбары свои растворил, а Змей, чихая да присвистывая носом, заявляет:

– Желаю теперь твои лаймы на вкус испробовать. А то, не дай бог, гниль у тебя там одна!

– Не извольте беспокоиться, – лопочет индийский купчина, – все в наилучшем виде представлю! (Ну, конечно, он там по-индийски другое лопочет, но Змею по болезни кажется, что он самыми русскими выражениями изъясняется).

В общем, всякими правдами и неправдами остался Змей наедине с полным сараем лаймов и принялся их поглощать. И что оказалось? Оказалось, что лаймы эти вовсе не противные. Оказалось, что они нежные, душистые и восхитительные. И целебные, как правильно подсказали обезьяны. Так что вышел Змей из сарая здоровый и довольный, похлопал купчину по плечу рукой и икнул сыто. Купец, конечно, обрадовался, но ненадолго. Потому как, когда через неделю настоящий посланник раджи прибыл, обнаружил он полный сарай высосанных шкурок. Так что утратил бедный индус звание поставщика королевского двора.

Змей и кот Баюн

Как-то раз Змей вздумал лететь на восток, пересек Волгу, Урал, и как-то незаметно приблизился к границе Кощеева царства. А надо вам сказать, любезные друзья, что Кощеево царство граничит буквально с любой из русских земель, ибо так вот удачно оно расположено в сказочной реальности, что

попасть в него можно довольно быстро и из Карелии, и из Брянщины, и даже из города Питера, который, как известно, хотя и существует недавно, но имеет знаменитую ограду Летнего сада, гуляя вдоль которой можно забраться в то самое Кощеево царство запросто (см соответствующую сказку Каверина).

Так вот, чтобы попасть в гости к бессмертному старику, надо только знать правильное направление. И совсем бы, казалось, просто это сделать, потому что на Руси издавна водятся старички-боровички и согнутые колесом бабки, готовые за твою вежливость послать тебя, куда угодно, да границы Кощеева царства сторожат разнообразные чудища. Тут тебе и зверь Индрик, с серебряной шерстью и горящим во лбу витым рогом, и таинственный Полкан с чаловечьей башкой, которая кусается и лает не хуже собачьей, и птица Гамаюн, и, самый страшный, кот Баюн.

На этого- то кота, мирно восседавшего посреди дубового столба и мурлыкавшего на вечернее солнышко, и напоролся мой Змей.

А будет вам ведомо, что кот тот всех встречных-поперечных заговаривал до волшебного сна, а потом разрывал своими длиннющими когтями и съедал. Змей, конечно, по Руси нагулявшись вдоволь, все про кота Баюна знал и потому не

стал дожидаться, пока тот начнет ему петь свои сонные песни, а так сразу и сказал:

– Даже и не думай тут мне мурлыкать, враз хвост огнем сожгу.

Кот вздыбил шерсть на своем немаленьком теле и грозно сказал:

– Нету тебе ходу в царство Кощеево!

– А и не собираюсь туда ходить, – неуверенно сказал Змей

– Врешь, – не слишком вежливо ответил ему кот, скаля клыки-мечи. – Будто сам не знаешь: только тот может подойти к границам царства Кощеева, у кого до Кощея нужда есть.

И тут Змей призадумался. Нужда у него, и правда, до Кощея была: как-то, лет двести назад, нанялся он к злодею сторожем, стеречь смерть Кощееву за двести литров ягоды в день, да пролежав под волшебным дубом пару недель, заскучал, загрустил и сам себя из сторожей уволил. Но, будучи честным змеем, положил к Кощею слетать и об отставке своей доложить. Да как-то за прошедшие столетия все не было времени. Вот, видимо, как раз сейчас и настал подходящий

час. Все это Змей и поведал коту Баюну.

– Эх, вспомнил! – усмехнулся тот. – Да у Кощея этих дубов с сундуками на каждом острове окрестном натыкано, и все драконы сторожат. Справные драконы, не чета тебе. Плату берут чистым золотом. Питаются проезжими молодцами, да их конями. А про твою измену Кощей уж давно узнал, и давно уж и отгневался, и отсмеялся над тобой.

– А почто ему столько островов? – не понимает Змей.

– Для пущей безопасности. Много их, обиженных, по округе рыщет, смерть Кошееву ищет. А где она на самом деле спрятана, про то никому не ведомо.

– Тьфу ты! Что ж, выходит, я зря все эти двести лет со-вестью мучился? – воскликнул Змей и соврал, поскольку, правду сказать, жил он эти двести лет вольно и весело, а про обязанности свои перед Кошеем и не вспоминал.

Тут Кот Баюн, будучи зверем коварным, затеял было начать мурчащую сонную песню, но Змей, как и обещал, плюнул ему на хвост огненным плевком, довольно изящно под-нялся на крыло и полетел обратно, на запад.

Да, а кот Баюн остался с лысым хвостом. И сколько ба-

ба-яга не мазала ему зеленой вонючей мазью пострадавшее место, шерсть так и не выросла. Пришлось коту носить парик.

Змеево имя

У постоянного читателя моих немудрящих сказок, да что там, скажем прямо, даже и у знатока наверняка сложилось впечатление, что у Змея – не то что у порядочного европейского дракона – имени и вовсе не было. Может быть, пытливым ум додумался даже до того, что Змей выступает в этих сказках анонимно, подобно тому, как анонимно выступает в толстых романах девушка, продающая цветы на перекрестке, мимо которой проходит героиня, или чистильщик сапог у банка, который посещает герой. И эта анонимность вызвана тем, что автору хотелось подчеркнуть хрупкость и мимолетность всего в этом мире, таком непостоянном, таком переменчивом и ускользающем от нас. Быть может, вам даже вспомнилась бы знаменитая цитата "Что значит имя? Роза пахнет розой..." etc.

Но, друзья мои, смею вас уверить, Змей мой, несмотря на всю свою мимолетность, вовсе не хрупкое создание. Скроен он плотно и крепко, как то и полагается сказочному ящеру.

Да и имя у него, по правде сказать, есть. Только он его стесняется.

Дело в том, что всем драконам чадолюбивые родители дают звучные имена с тем, чтобы задолго до осуществления ими различных подвигов (как-то: похищение принцесс, разграбление сокровищниц, сожжение городов) упоминание о них порождало страх и ужас, приличествующие порядочному чудовищу. И нашему Змею – который, как вы все помните, был красным уэльским драконом по рождению, отец, славившийся тонким вкусом, придумал необыкновенное имя. Все его наизусть я, конечно, не помню, но там было и "ниспровергатель гор" и "испепелитель потоков", и "извергатель пламени" и множество еще других столь же впечатляющих эпитетов. Звучало же это все на валлийском наречии не менее устрашающе и зубодробительно.

Но Змей мой имя свое невлюбил. Во-первых, будучи еще маленьким змеенышем, он долго не мог выговорить звук "л", а звуков этих, да еще часто в сдвоенном виде было в его имени аж пятьдесят два. Во-вторых, Змей был скромнен и не любил хвастаться. В-третьих, Змей был миролюбив и вовсе не хотел, чтобы совсем незнакомые ему люди считали его каким-то громилой и буяном, основываясь на его громком прозвании.

Так что еще в драконьей академии он довольствовался скромным прозвищем "Коровья утроба", а уж попав на великую Русь, совсем расслабился и даже не утруждал себя называть при встречах с добрыми молодцами, красными девицами, а также бабами-ёгами, лешими и прочей нечистью.

Да и, собственно говоря, так ли уж оно нужно, это имя? Тем более с пятьюдесятью двумя звуками "л"?

Змей и другой змей

Этот день святого Патрика Змей провел спокойно. По правде сказать, он проспал его. А все дело в том, что накануне мой герой объелся зеленых ростков бамбука, лакомства крайне питательного, но требующего вдумчивого и длительного пищеварения. Загрузившись бамбуком по самый пищевод, Змей взгромоздился повыше на дерево, повис на задних лапах, закуклился крыльями и задремал, изредка пуская дымок из всех трех носов, дымок, оттенком похожий на молодые зеленые листочки.

И, как это обычно бывает после сытного ужина, приснился Змею дивный сон.

Снится ему, что крылья его обрели невероятную силу и подняли его выше луны, выше солнца, далеко-далеко в звездное небо. И вот летит он среди астероидов, метеоров, комет и прочего космического мусора, но летит не просто так, а с целью: манит его одна из звезд своим ровным теплым светом, обещающим приют и уют.

А быстро летит Змей! Только посвистывают у него в ушах пролетающие мимо космические объекты. Вот уже близко звезда, вот уже видны все девять вращающихся вокруг нее планет, и третья из них кажется Змею самой привлекательной – такой голубой, такой знакомой. Снизил он скорость, облетел пару раз вокруг планеты, оглядел ее внимательно да и решил снижаться.

Вот снижается он, вот уже миновал облака и открылась ему поверхность планеты. Что такое! Видит Змей особым драконовским зрением, что вся она покрыта драгоценными камнями. Опустился, озирается: вместо земли под ногами сплошной слой алмазов наивысшей чистоты. Деревья растут ониксовые, листья на них хризопразовые, плоды рубиновые, изумрудные (не дозрели, видно, еще), сапфировые. И среди этого бесценного леса гуляет змей. Нет, не мой Змей, другой.

Другой, да на вид почти такой же. Такого же алого цвета с зеленой искрой, с таким же немалым брюхом, и все его три

пасти так же добродушно улыбаются. Другой этот змей неторопливо оббегает драгоценные плоды и с удовольствием их пожирает.

Вот ведь диво так диво!

Ну, познакомились, конечно. Инопланетный змей угощает моего друга щедро, от души, каким-то рубиновым плодом.

– Попробуй, – говорит, – очень вкусно.

А Змей боится, что все зубы об камень обломает, но отказываться как-то неудобно. Думает: "Лизну разок, для приличия". И только коснулся он языком рубиновой кожицы, как она лопнула, и в самое небо брызнул ароматный сладкий сок. От удовольствия Змей зажмурился, а когда открыл глаза, были вокруг него самые обыкновенные индийские джунгли. Проснулся, значит.

Ну, раз проснулся, тогда пора подкрепиться. Пусть не драгоценным плодом, а все ж таки не уступающим ему ни вкусом, ни сочностью.

Змей в Кенингсберге

Чтобы не пускаться в долгие рассуждения, скажу сразу: Змей, хотя иногда в Европу и заглядывал по старой памяти, всегда обходил стороной немецкие города. Была у него какая-то на немцев давняя обида, о которой он никому, даже бабе-яге на дружеских посиделках под мед и малиновое варенье, не рассказывал. Но все же как-то, в году 1747, если мне не изменяет память, решил он наведаться в славный город Кенигсберг.

Естественно, уважая европейскую утонченность, гулял он по городу в человеческом облики, в образе расфранченного щеголя, весь в кружевах и лентах. И вот видит на одной из узких ремесленных улочек: милое такое окошечко, окруженное выющимся плющом, а в окошечке на оловянном подносе стоит белоснежное фарфоровое блюдо. А на блюде высокой шапкой вздымается что-то пышное, горячее, пахнущее яблоками, корицей и ванилью. И рядом, как нарочно, серебряная лопаточка посверкивает. Не удержался Змей, уколупнул лопаточкой нечто, и прямо с лопаточки заглотив. Несколько секунд было вкусно. А потом прямо в ухо Змею заверещал пронзительный женский голос: "О мейн готт! Вы украли мою шарлотку! Что будет есть Иммануил, когда вернется домой с прогулки!"

Змей, конечно, надумал дать деру. Но из окошка проворно высунулась рука и ухватила незадачливого моего героя за плечо. Пришлось Змею долго шаркать каблуками и извиняться, а также оставить хозяйке пару серебряных таллеров на булочки с изюмом для неведомого студента Иммануила.

В общем, побрел Змей из города Кенигсберга с опущенной головой, а вслед ему кивали дородные бюргерши и шептались: "Это тот самый, который у бедной вдовы седельщика шарлотку украл". Очень устыдился тогда Змей и зарекся чужие пироги без спроса есть. И в немецкие города с тех пор – ни ногой.

А если вы меня спросите, любезные читатели, не был ли лишенный шарлотки Иммануил тем самым Иммануилом, то ответить мне вам нечего. Чего не знаю, того не знаю, а врать не хочу.

Как Змей грозового ящера в бегство обратил

Имел Змей давнюю задумку подняться в грозу выше самых высоких оболочек и познакомиться с грозовым ящером. Потому как кто-то же оттуда, сверху, огненные плевки посылает, да такие яркие, что вполовину небес полыхают. Кто-то там хохочет таким громовым голосом, что вполовину земель

слышно. Не иначе, как великий грозовой ящер забавляется.

Да боязно было моему герою в самую бурю расправлять крылья. Опасался он за свою шкуру – знал, что там, высоко в небесах, все капли превращаются в крупные градины, и могут эти градины так измолотить пластины броневые да крылья перепончатые, что живого места не останется, ни одна баба-яга (даже самая мудрая, с самым горьким зельем и самой щипачей мазью) не вылечит потом.

Вот и сидел Змей во время грозы однажды этим июлем глубоко в лесу, под каким-то корявым дубом и мучился любопытством. И, может быть, сидел бы он там и по сю пору, да вдруг молонья как шарахнет в самый этот корявый дуб, а дуб как вспыхнет, а искры как посыплются во все стороны!

Осерчал Змей, взъерепенился, стрелой взлетел ввысь, стремглав промчался сквозь ледяной дождь и вмиг поднялся на необыкновенную высоту, так что все тучи темные оказались под ним, а сверху – только голубое небо и яркое солнце.

И что же он видит? Никакого грозowego ящера, сколь глаз видит (а видит он далеко) – не наблюдается. "Спужался и удрал" – подумал красрасавец – Змеюшко, приосанился, и поплыл гоголем, красуясь. Правда, не долго он красовался. Там, наверху, воздух редкий-редкий, и дышать им тяжело.

Так что спустился он на землю, а там уж и гроза прошла, и прояснело. Только один обгорелый дуб стоит посередь леса, как напоминание о змеевом подвиге.

Термос

Термос жил на антресолях, между детскими валеночками и старым электрическим чайником. Сзади термос подпирали рулоны обоев, оставшиеся с последнего и предпоследнего, и, кто знает, может, даже с предпредпоследнего ремонта "на всякий случай". Термос жил насыщенной жизнью. Все остальные обитатели антресолей никогда их не покидали. Они жили воспоминаниями. Чайник, поскрипывая, вспоминал, как знатно он свистел когда-то на кухне. Валенки помнили раннее детство хозяйки, которое случилось лет тридцать назад. Валенки были очень старые, кряхтели от немощи и больше всего на свете боялись моли. У валенков была мечта: они надеялись, что когда-нибудь из них вырежут стелечки, вставят в годные сапоги, и они снова будут бегать по дорожкам.

Жизнь термоса очень отличалась от жизни соседей. Никогда он не залеживался на антресолях дольше месяца. Обычно его доставали рано утром, промывали и заливали в него

горячий душистый чай или крепкий кофе. Потом засовывали в рюкзак и несли куда-то в темноте. А когда вынимали, вокруг оказывался удивительный мир. Лесная полянка с деревянным грубым столом посередине, осенний парк, полный шороха опадающих листьев, зимняя лыжная трасса. Термос все хорошенько разглядывал, чтобы потом, на антресолях, было о чем вспоминать до следующего приключения.

Но однажды термос взяли в поход на лесное озеро, и там оставили стоять на складном столике, а сами ушли спать в палатку. И жизнь термоса изменилась в одночасье. Из леса вышел мягкой походкой синеглазый рослый парень, огляделся, шмыгнул носом, схватил термос и дал деру.

Термос не успел прийти в себя от такого нахальства, как детина уже протягивал его какой-то сморщенной длинноносой бабке в обтерханной от времени овчинной кацавейке. Бабка оказалась затейницей. День и ночь теперь настаивались в термосе отвары из брусничного листа, бледной поганки, сосновых шишек, жабьих лапок и из бог весть какой гадости, которую термос опознать не мог. От этого, или от того, что бабка без умолку бормотала себе под нос, помешивая что-то в котле, всякую ерунду, вроде "Шикурли-мыкурли, шаланда-баланда, три кавычки-рукавички, от кикиморы реснички, от русалки чешуя, да вдобавок пух орла", у термоса внутри стали происходить странные явления. Серебряная

колба темнела и сжималась, дешевый металл снаружи обрастал патиной, пластмассовые детали и вовсе норовили исчезнуть.

"Эх! – подумал как-то термос, – только жить начал!" И тут же прекратил жить. А его китайская душа, так и не распознавшая русскую бабку, устремилась в персиковые сады небесного владыки.

– Не держатся у меня термосы энти, – жаловалась баба-яга Змею, прихлебывая настой сушеной малины с мятой. – Вещь полезная, но не стойкая. Гляди-кось: и месяца не прошло, как ты последний приволок, а он уж в корчагу превратился. И так все они – кто в крынку, кто в бутылку, кто в медный таз. Не выдерживают волшебства.

Змей кивал, тянул из блюдечка душистую жидкость и думал: "Ни за что не пойду снова термос воровать! Один позор и никакого проку!" – но, конечно, по доброте душевной, снова уступал бабкиным уговорам.

Сто сорок первая хромосома

Все знать о драконах не может никто. Даже знаменитейший драконовед (и сам, естественно, по происхождению великий змей) Карлаконт Ниспровергатель Царств признавался в частных беседах коллегам, что некоторые вещи, например, строение седьмого хвостового позвонка, ему до конца непонятны.

Доблестные же рыцари, сами по себе существа довольно примитивные и невежественные, и вовсе считают, что единственное полезное знание о драконах заключается в умении найти ту самую точку на теле, где броня в движении расступается и становится видна беззащитная розовая плоть супостата. С чего они взяли, что плоть у дракона именно этого девчачьего деликатного цвета – представления не имею.

Однако, хотя всего о драконах знать не может, некоторые вещи знать просто необходимо. Например, почему с виду вполне обычный уэльский дракончик внезапно признается, что мяса есть не хочет, а хочет питаться исключительно фруктами и овощами. Понятное дело, сперва его всеми силами стараются переубедить, прибегая иногда даже к грубой силе и запихивая ему против желания в пасть свежееосвежеванную овцу, но в последствии приходится таки вызвать на помощь того самого Карлакона.

А надо вам сказать, что в различных науках, и в част-

ности, в биологии, драконы намного обошли людей. Еще с незапамятных времен им было известно о ДНК и хромосомах, а некоторые избранные ящеры (к числу которых относился и Карлаконт Ниспровергатель Царств) даже обладали дивной способностью различать хромосомы, составляющие сущность животных и растений. Находились даже хвастуны, которые оправдывали свою страсть к похищению принцесс не элементарной жадностью и тягой к получению выкупа (что само по себе для дракона качество вполне достойное), а некой жадой собирателя редких наборов тех самых хромосом.

В общем, прибыл Карлаконт в драконью академию, привели к нему дракона-подростка ярко-пурпурного цвета, как то и подобает молодым уэльсцам, вперил великий змей в него свой пронзительный взгляд, буровил минуты три а потом вскричал:

– Вижу! Вижу деформацию! У всех порядочных драконов 70 пар хромосом, а у этого паршивца есть лишняя, сто сорок первая хромосома! Теперь понятно, откуда в нем столь извращенное поведение!

Тут мой Змей покраснел еще пуще и от стеснения спрятал свою, тогда еще единственную, голову под крыло. Конечно начались исследования, вновь выявленный дефект назвали

синдромом Карлакона, принялись выспрашивать родителей Змея на предмет момента зачатия, вынашивания и прочих тонкостей, что бы выявить побочные факторы, вызвавшие мутацию. Но отца Змея найти не смогли, а мать его, драконша суровая и весьма уверенная в своей правоте, грозно заявила, что все делала по науке: в длительные перелеты беременная не пускалась, по четвергам не питалась черными животными, а каждое полнолуние придерживалась особой диеты, состоящей исключительно из нежирной речной рыбы. Яйцо согревала в пламени рекомендуемой температуры, вылупление произошло в соответствующие сроки, и никаких внешних дефектов в теле младенца повитуха не обнаружила. Так что, господа ученые, ступайте с миром, да куда подальше отсюда.

Змея тоже всячески обмеряли, взвешивали и мучали тестами. Но так ничего и не добились, хотя защитили не один десяток диссертаций, и написали не одну сотню трактатов.

Что же касается сто сорок первой хромосомы, то тут, по правде сказать, конфуз вышел. Дело в том, что престарелый Карлакон стал со временем слаб зрением и принял за лишнюю хромосому горошину, которая неизвестно каким образом закатилась в левое ухо Змея (вероятно, когда он, по своему обыкновению, обшаривал огороды местных крестьян). Горошина-то потом выкатилась и потерялась уже бесследно.

Но, друзья мои, нельзя недооценивать тот бесценный вклад, который она внесла в науку драконоведения!

За баночкой земляничного варенья

У меня в шкафу припрятана баночка земляничного варенья для особых целей. И это очень особые особые цели: не какой-нибудь там сверхсекретный рецепт торта Эстерхази на новый год, не блины на масленицу знакомой ребятне, не добавление в коктейль Манхеттен на женской вечеринке для пущей сладости. Баночка припрятана для дорогого гостя.

И вот вчера вечером он ко мне неожиданно нагрянул. Взъерошенный и печальный.

– Непокойно стало в мире, – сказал он, разматывая длинный ярко-красный шарф и снимая потертую дубленку, больше похожую на стородавний тулуп. – Индия уже не та. И Египет уже не тот. А уж Китай! Теперь в Китай спокойно не слетаешь.

– Угу, – буркнула я в ответ. Чайник у меня как раз закипел и осталось только залить хорошую проверенную заварку и

дать настояться минут пять-десять (кто как любит, лично я люблю подольше). Гость вымыл руки, сел на табурет и в кухне сразу стало тесно, как становится тесно в кухне брежневской многоэтажки, когда в нее заходит взрослый сенбернар. Я подсунула гостю под самые его грустные глаза заветную баночку, вручила ложку и привычно не дала розетку. Зачем ему розетка – он и так с банкой справится. В синих глазах блеснул огонек заинтересованности.

– Так вот, Китай. Дымно там стало, людно. И апельсины уже не те, а персики в конец испортились. Только на консервы и годятся, – гость рассеяно положил в рот пару ложек варенья.

– Да и в Индии. Гулял недавно по Индии. Ну, там манго перехвачу (недозрелый еще, а все ж вкусный), там ананас, здесь кумкват, бананов в изобилии. А поговорить не с кем! Ни одного завалящего йоги или брамина нет. Все перебрались на Гоа – учат иноземцев духовным практикам. Вот ты мне скажи: что в мире случилось, – гость опорожнил уже банку на четверть, – что у всех враз души темными стали? К чему вам всем это просветление запонадобилось? Не было такого никогда раньше!

Я поставила перед гостем чашку и сказала:

– А шут его знает! У меня такое объяснение: в век машинной цивилизации машины дымили в воздух, а в наш виртуальный век гаджеты дымят в души.

– Может и так. Я ведь гаджетами не пользуюсь – ты знаешь. Хотя бабки некоторые на них и перешли и номерочки мне свои шлют и про вотсап намекают, я не поддаюсь. Блажь все это. Главное – не в гаджетах. Если мне надо будет, я бабку и так найду. У меня нюх на них, да ты знаешь. – Банка была уже пуста наполовину.

– Вот в Египте я уж лет двадцать, как не был. А когда-то хорошее было место, раздумчивое.

– Может, тебе в Новый Свет смотаться? Там, говорят, еще есть непролазная сельва.

– Через океан? Когда кругом одни крушения? Да ты судрела, девка! – и гость одним махом перелил в глотку остатки варенья.

Посмотрел на чашку, покрутил указательным пальцем над дымящейся поверхностью, и вода в чашке задрожала, забурлила и забила горячим ключом. Гость довольно усмехнулся и сказал:

– А к вам я на Татьянин день прибыл. Охота мне на студентов посмотреть. Вот, помню, мы в наши годы... Старому Кривокрылычу подмешали в мясо пиритов. Так он потом три дня зеленым огнем пыхал. И не только из пасти и ноздрей! Из прочих отверстий тоже! Вот это я понимаю, студенты были...

Потом поднялся, подошел к окну и сказал:

– Своих теперь почти не встречаю. Говорят, норвежский горбатый сейчас где-то здесь. Говорят, заделался эзотериком. И даже академик какой-то академии. Опыты демонстрирует... – и рассмеялся звонким довольным смехом. После открыл дверь на балкон, одним прыжком взгромоздился на перила и, обращаясь на лету, взмыл в воздух. Но никаких криков снизу: "Ты смотри, что за чудо-юдо!" – я не услышала.

Простым людям его не углядеть: только зоркий глаз сказочника способен заметить Змея.

Змеевы страдания

Драконы, как широко известно, музыкальностью не от-

личаются. Симфоний не сочиняют, песен не поют, хвостом ритм не отбивают, а если и насвистывают что-то себе под нос, то крайне немелодично. Однако и в этом деле Змей наособицу ото всех отошел. То есть, конечно, сначала он думал, что такой же, как все. И вправду – слухом особым он не отличался, а голос имел вполне заурядный – скорее рев бычий, а не голос. Но вот прошло время, объявились на Руси гармошки. Тут-то Змея и прорвало.

Подкрадется, бывало, к окраине села, прислушается – где-то вечерка идет, и тальяночка играет то жалостно так, с перебивками, то, наоборот, весело, с топотом и дроботушками-чашушками. И тут Змей никак совладать с собой не может. Тотчас грянется он о землю, обернется добрым молодцем и идет на деревню, гулять с парнями и девками. Горланит со всеми песни, стучит каблуками без устали, и вприсядку, и с выходом, раскраснеется, разгорячится и – вроде бы нет особой охоты, а надо, раз на гулянку пришел – подвалит к какой-нибудь Марфушке или Анютке с пряниками и леденцами.

Ну, тут, конечно, деревенские сначала недобро косятся, а потом начинается: "А ты кто таков", "А давай выйдем, поговорим", "А давай на кулачки" и все в том же роде. Драться Змей не любил, но так его заводила роковая гармонь, что тут он даже и дрался. Бывало, бил. Бывало, был бит. Впрочем,

после двух-трех таких посиделок местные девки замечали, что леденцы и пряники у заезжего гостя какие-то не такие – вроде и сладко, да удовольствие не то, как когда свой Федор или Семка угощают. Оно и понятно – откуда Змею настоящих сладостей взять? – морок у него один и наваждение, а не пряники. Так что девки привечать Змея перестали. А тому только того и нужно было!

Так и повелось: вечереет, почти все разошлись по домам, только романтичный гармонист да заезжий молодец все бродят по задворкам. Гармонист выводит мелодию пофигуристей, а Змей знай себе пляшет с вывертом и посвистом.

Превращенья

Грянулся Змей Горыныч оземь и оборотился пнем трухлявым. Сплюнул, насколько пень плюнуть может, грянулся оземь вдругорядь и обернулся иголкой с ниткой. Нитка суровая небеленая, длиной два аршина. Иголка же – совсем напротив – китайской ненадежной стали и с узеньким ушком. Делать нечего – грянулся оземь третий раз и стал лукошком с кислой-прекислой недозрелой смородиной.

Да, что за черт! Так и шарахался Змей о землю до самого

вечера. То в йо-йо перекинется, то в чучело кролика, молью траченное, то в пучок соломы, какой суворовские солдаты к левой ноге приторачивали.

Так и не стал в тот раз добрым молодцем. Видать, не его был день.

В Рождество все немного волхвы

Кроме Змея, конечно. В Рождество Змей обретается в тех странах, где йоги встречаются гораздо чаще, чем волхвы.

В Рождество Змей радуется тропическим фруктам, тропической жаре и тропической черной ночи, исполненной ярких-преярких звезд.

Правда, есть среди них одна звезда... Странная, не подчиняющаяся всеобщим звездным законам. Прочие светила благоразумно совершают свой ежегодный путь таким образом, чтобы висеть в небе постоянно на одном и том же месте. Проснулся среди ночи, вперил взор ввысь – и вот они, все до единой, известные и знакомые: и россыпь Драконьих зубов, и Старая дракониха на водопое, и Горыныч супротив Добрыни Никитича, и длинное сияющее полотно Сокровищ

Великого Змея... Любуйся и радуйся!

А эта, странная звезда, появляется на небе аккурат в зимнее солнцестояние. И хотя здесь, в тропиках, солнцестояние не так заметно, как в далекой России, все-таки его Змей ни с одним другим днем не перепутает. А все потому, что на востоке в этот день расцветает теплый нежный огонек. И все крепчает, все яснее, все острее с каждой новой ночью, пока аккурат за неделю до Нового Года не превращается в живой пульсирующий костер, который освещает все небо и перед которым все другие звезды бледнеют и чахнут. А потом костер так же неминуемо смягчает, слабеет, пока вовсе не погаснет в ночь, когда прошлое уступает место грядущему.

И вот когда эта странная звезда исчезает, наконец, с небосклона, Змей начинает свербить тоска. Тоска крепнет, нарастает, и к апрелю сменяется твердой уверенностью, что пора уже встать на крыло и вернуться в Россию.

И – мне немного стыдно про это говорить, потому что я не люблю пафоса (ни ложного, ни искреннего), но все же скажу – Змей точно знает, что именно в России он найдет тот огонь, которым сияет странная звезда. Ну, и, конечно, землянику. Куда ж без нее!

Репка

Нет, врать не стану:Змей репку не сажал. Но все равно – выросла репка большая-пребольшая, сладкая-пресладкая, ароматная, аж дух захватывает. Вот у Змея и захватило дух, когда он над огородом пролетал.

"Я не я буду, – думает, – если этой репой не полакомлюсь!" Спустился вниз, обернулся Семеном-вдовьим сыном и принялся репку тянуть. А та чувствует дух змеиный – настоящую репу ведь не обманешь мороком колдовским, репа, как всякая баба, сердцем чует – и не поддается. Что делать? Позвал Змей бабу-ягу. Яга принарядилась, плат надела с цветочками и бахромой шелковой, юбку подоткнула, за могутную талию Змею уцепилась... Тянут вдвоем. Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвала Яга лешего. Тот – простая душа – рад стараться: впился руками-ветками бабке в костлявые плечи, бабка Змея за могутную талию держит... Тянут-потянут, вытянуть не могут.

Кликнул леший веснянок. Ну, да от тех шуму больше, чем помощи. Но тоже стараются – тянут. И все без толку.

Тут репке надоело и она голос подала:

– Не старайтесь, – говорит медовым тоном, – не вылезу. Не ты, Змей завидуший, гряды копал, не ты их навозом удобрял, не ты семена сажал, не ты сорняки полол. Не про тебя моя сласть!

Огорчился Змей, но виду не подал, только воскликнул восхищенно:

– Что за принципиальная репа! В первый раз такую разумницу встречаю!

Тут репа рассуропилась, от гордости напыжилась, да сама собой из земли и выскочила. И, конечно, наглый Змей тут же ее и слопал.

А что вы хотите? Баба, она и есть – баба.

Разговор

Иван-крестьянский сын зачерпнул воды горстью, выпил, крякнул и напружинил ноги, готовый к бою. Чудо-юдо высунуло из пещеры одну голову и осторожно поинтересовалось:

– Меч или дубина?

– Дубина, – почему-то застеснялся Иван. – А что, не годится?

– Какого дерева? – спросила вторая чудо-юдина голова, недоверчиво выглядывая из-за первой.

– Дык, вроде, дубовая.

– Плохо, – резюмировала третья чудо-юдина голова, несмело выпустив пару колечков дыма.

– Вот если б липовая, – поддержала ее четвертая.

– Липа, она завсегда мягче – встряла пятая.

Иван-крестьянский сын оглянулся – позади была Русь, отступать было некуда. С другой стороны, впереди тоже была Русь. И чудо-юдо.

– А ежели так рассудить, братцы, – вступила в разговор шестая чудо-юдина голова, – то меч сподручней будет.

– Это точно, – седьмая голова слегка шепелявила, – сразу раз – и долой. А то потом майся полгода без зубов.

– А еще лучше в рукопашную – свирепо сказала восьмая

голова. – Схватить его, сукина сына, и вбить в землю по пояс!

– Ну, ты того, ты не лайся, – возмутился Иван-крестьянский сын.

– А я чего, я вообще молчу, – смущенно высунулась из пещеры девятая голова.

День клонился к закату, река посверкивала серебром, а чудо-юдины головы все продолжали и продолжали появляться из пещеры.